

**Стенограмма парламентских слушаний на тему
«Потребительское кредитование: как снизить издержки заемщиков и банков»**

30 сентября 2015 года

С.Н. РЯБУХИН

Добрый день, уважаемые коллеги, участники наших сегодняшних парламентских слушаний! Еще вчера никто не предполагал, что сегодня будет такой перегруженный день, но тем не менее мы все-таки постарались уложиться в срок и в то время, на которое рассчитывали, начать парламентские слушания.

Прежде всего, благодарю всех вас за то, что приняли приглашение принять участие в работе по достаточно злободневной, как нам кажется, теме, вынесенной в название парламентских слушаний, связанной с потребительским кредитованием.

Рынок потребкредитования в России появился в начале 2000-х годов и получил свое активное развитие за счет востребованности этой услуги на финансовом рынке нашим населением. За счет потребительского кредита уже миллионы граждан смогли удовлетворить свои насущные потребности, при этом также добросовестно выполнить свои обязательства перед кредиторами. Этот сегмент финансового рынка считался в последнее время одним из самых быстрорастущих, но в условиях непростой макроэкономической ситуации, а также предпринятых со стороны Банка России действий получил некоторое охлаждение. Тем не менее по итогам 2014 года совокупный кредитный портфель в разных банках превысил 11 трлн. рублей, что составляет примерно 13 процентов внутреннего валового продукта. Мне представляется, что эта сумма достаточно значительная с учетом того, что потребительский кредит часто связан с повышенным риском невозврата денежных средств для финансовых организаций. В настоящее время мы как раз и наблюдаем рост просроченной задолженности по выданным кредитам, при этом доля "плохих" кредитов наиболее высока в сегменте населения с минимальными доходами.

Также обращает на себя внимание высокий уровень выплат российских домохозяйств по уплаченным займам. Россияне в среднем сегодня более 18 процентов своих доходов вынуждены тратить на погашение кредитов, а это выше, чем в большинстве стран с более высоким показателем закредитованности населения. Поэтому при дальнейшем ухудшении ситуации эта проблема может приобрести, на наш взгляд, и социальный аспект. Основная причина этой ситуации – чрезвычайно высокие процентные ставки на фоне продолжающегося снижения реальных располагаемых доходов населения. Необходимо констатировать, что ставки по кредитам для населения пока находятся на достаточно высоком уровне.

Установленные Банком России предельные значения полной стоимости кредитов на четвертый квартал 2015 года достигают по отдельным категориям займов 906 процентов для микрофинансовых организаций, 208 процентов для ломбардов и 56 процентов для банков.

Как вы знаете, с 1 июля 2014 года вступил в силу закон о потребительском кредите. Принятие этого закона было чрезвычайно важно для рынка розничного кредитования, так как он установил единые правила для всех участников рынка. Вместе с тем мониторинг исполнения норм данного закона выявил отдельные его положения, которые могут быть улучшены, на наш взгляд. В этой ситуации нашим комитетом совместно с профессиональным сообществом была проделана работа по анализу и своду предложений от кредитных организаций по уточнению отдельных норм закона о потребительском кредите, и именно эти предложения легли в основу сегодняшних парламентских слушаний. Они находятся в ваших материалах, обращаю на это внимание. Мы надеемся, что реализация этих предложений повлияет на снижение издержек как заемщиков, так и банков, что, в свою очередь, скажется в лучшую сторону на уровне процента по кредиту.

В сегодняшних парламентских слушаниях по итогам регистрации принимают участие 65 человек, среди которых широко представлены профессиональные участники рынка, представители Банка России, Минфина, Минэкономразвития, Роспотребнадзора, а также члены нашего комитета.

Предлагаю выступающим высказываться не только в рамках того материала, который имеется в ваших папках, но и на более общие темы, связанные с потребительским кредитованием.

Надеюсь, что сегодняшнее обсуждение позволит нам выйти на конкретные результаты в свете подготовленного проекта федерального закона.

Считаю, было бы правильным прежде всего предоставить слово Николаю Андреевичу Журавлёву. Потом я бы хотел, чтобы высказались на эту тему Андрей Викторович Емелин и представители банковского сообщества. Я не хотел бы жестко регламентировать выступления, но просил бы придерживаться пяти – семи минут, чтобы дать возможность как можно большему количеству участников парламентских слушаний выступить.

Пожалуйста, Николай Андреевич. Можно с места, можно с трибуны.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Уважаемый Сергей Николаевич, уважаемые коллеги! Когда мы обсуждали, каким образом построить очередность выступлений, сошлись на мнении, что сначала все-таки должны, наверное, выступить представители отрасли, представители банковского сообщества. После этого уже мы дадим слово регуляторам – Министерству финансов, Центральному банку, Роспотребнадзору, если в этом будет необходимость.

Я хотел бы в двух словах остановиться на той работе, которую вел наш комитет за последние годы в части регулирования отрасли. Эти последние два года были, конечно, очень тяжелыми для отрасли. Вообще непонятно, честно говоря, как она выжила, поскольку регулировал отрасль в первую очередь рынок, который сам по себе охлаждался. Ну и, безусловно, существенную лепту внесли Центральный банк своим регулированием, ужесточением и законодатель, который принял закон о потребительском кредите как раз в тот момент, когда рынок, продажи... пошли вот такие достаточно жесткие действия по отношению к банкам. Однако закон принят, и мы принимали достаточно активное участие в его разработке. Закон установил общие правила для отрасли. Закон регулирует не только банки, что хорошо, но и другие виды кредиторов, как то микрофинансовые организации, потребительские кооперативы, которые до этого были вообще никоим образом не подвержены регулированию.

Важно, что закон определил четкое понятие полной стоимости кредита и, в частности, что включается в нее, что не включается, что банки и другие кредиторы могут в добровольном порядке требовать от граждан, что не могут. Это тоже очень важно. Во всяком случае, были определены некие правила игры. И банк, когда он уже формирует свой продукт, на это, безусловно, в первую очередь обращает внимание.

Мы определенным образом урегулировали вопросы, связанные с коллекторской деятельностью в части профессиональных кредиторов. И есть желание у Правительства, в частности у Минэкономразвития, сейчас разработать целый отраслевой закон для коллекторов. Я чуть позже об этом скажу.

Также важной новеллой, которая была принята одновременно с законом о потребительском кредите, является то, что мы запретили рекламировать услуги по приему вкладов (ну, псевдовкладов), денежных средств от населения тем организациям, которые не подвержены регулированию. И вообще на самом деле я сегодня буду говорить о законодательстве не только с точки зрения выдачи кредитов, но и с точки зрения привлечения денежных средств граждан, поскольку понятно, что для банков-монолайнеров, да и не только для банков-монолайнеров, привлечение средств граждан – это основной источник пассивов. Обратная сторона кредита – это депозит, и тоже очень важно, как он регулируется в законодательном плане.

Также мы приняли закон о банкротстве физических лиц, который завтра вступает в силу. Мне кажется, он получился достаточно взвешенным. Но реально каким он получился, мы сможем понять, естественно, только после того, как он хотя бы какое-то количество месяцев (а лучше – лет) поработает. И мы готовы его менять, если он покажет свою несостоятельность.

Также мы дали гражданину самому выбирать банк в целях получения зарплаты и пенсии (так называемое зарплатно-пенсионное рабство). Норма до конца не заработала, но мы и тогда говорили, что она заработает только в случае, если банковское сообщество будет популяризировать эту идею среди населения. Мы знаем, что граждане у нас такие

узкоспециализированные законы вряд ли читают сразу после их принятия, поэтому это нужно, конечно, в ваших офисах с помощью ваших служб также помогать популяризировать.

Наверное, не преувеличу, если скажу, что увеличение страхового возмещения по вкладам граждан с 700 тысяч до 1 400 тысяч в декабре прошлого года было просто спасением для многих банков, поскольку bank run мы с вами видели, когда по несколько процентов в день пассивной базы выносили из банков.

Я думаю, что нужно на этом пока остановиться. Но в целом, я так понимаю, финансовые власти готовы к тому, чтобы в случае каких-то непредвиденных негативных ситуаций на рынке рассматривать вопрос и о дальнейших действиях, связанных с укреплением системы страхования вкладов. В частности, дифференцированная система отчислений в фонд страхования вкладов, мне кажется, достаточно позитивно должна отражаться на банковских вкладах. Мне кажется, что все добропорядочные, нормальные банки заинтересованы в том, чтобы ставки по вкладам все-таки снижались и были на достаточно низком уровне. И как раз достичь этой цели призвана дифференцированная система страхования вкладов.

Также мы запустили (в том числе активное участие в этом принимал Андрей Викторович Емелин, мы постоянно просили об этом Правительство, отражали это в своих документах) пилот по доступу к информации Пенсионного фонда Российской Федерации и других внебюджетных фондов, по широкому доступу банков. И заработал пилот. Насколько я понимаю, не совсем он заработал. Я попрошу сегодня банкиров, которые будут выступать, поподробнее на этом остановиться. Нужны комплексные усилия со стороны Министерства финансов как заинтересованного ведомства, чтобы все-таки эти данные были у кредитных организаций и у Минкомсвязи, которое непосредственно на своей площадке делает этот пилот, чтобы все-таки это заработало в кратчайшие сроки, и заработало по-человечески.

Также что предстоит нам сделать в ближайшее время? Я уже говорил о том, что (слава богу, сейчас эти разговоры немножко поутихли) нам ни в коем случае нельзя допустить некую франшизу или любую другую ее разновидность в системе страхования вкладов. Система страхования вкладов была придумана для того, чтобы внушать уверенность гражданам, и этой цели она достигла. И, безусловно, только консерватизм этой системы и ее долгосрочность являются залогом того, что она будет надежна и в нее будут верить граждане.

Также необходимо подумать о безотзывных вкладах или разновидности, например, усилить гарантии гражданам через увеличение застрахованных сумм и продление действия сберегательных сертификатов. В общем, должен быть какой-то безотзывный механизм с усиленными гарантиями со стороны государства, для того чтобы мы постепенно начали формировать институт безотзывных пассивов, длинных пассивов со стороны населения. Мы упустили этот момент, возможность сделать это года три-четыре назад, когда была абсолютно спокойная обстановка и можно было это сделать. Естественно, это нельзя было делать в 2014 году, тем более зимой. Но, возможно, сейчас можно использовать некое затишье на финансовом рынке (я имею в виду, с точки зрения вкладов граждан), для того чтобы как-то начать обсуждать этот вопрос.

Также мы сейчас активно работаем над законопроектом о финансовых пирамидах, который Правительство внесло в Государственную Думу. Очень хороший закон, но его надо дорабатывать, поскольку очень многие пирамиды, особенно те, которые появились в последние годы (вы все прекрасно их знаете), предлагают гражданину, например, погасить за него кредит в банке, внося только 20–30 процентов от суммы. Понятно, что это невозможно. О таких пирамидах (разновидностях) тоже необходимо в этом законе написать. Я подготовил соответствующие поправки и на днях их внесу.

Также на площадке ФАС, наверное, многие из вас принимали участие в обсуждении "периода охлаждения" по банкострахованию. Мне кажется, это достаточно здравый момент, который надо урегулировать, поскольку он не до конца урегулирован в законе о потребительском кредите, в законе о страховом деле. Нужно все-таки дать банкам четкое понимание того, что можно, что нельзя, какие страховки можно продавать и что такое "добровольное" и

"недобровольное". Взвешенный подход к "периоду охлаждения", я думаю, может дать ответы на эти вопросы.

Ну и, конечно, непосредственно мы подготовили изменения в закон о потребительском кредите, и у вас сегодня в раздаточных материалах в том числе эти предложения есть. Это, конечно же, искоренение вида кредитора как основного критерия при расчете средней стоимости потребительского кредита, потому что зачем это вообще было нужно – непонятно. Когда мы принимали этот закон, я был категорически против, но он прошел (эта норма) в Государственной Думе. Сейчас мы видим, что одинаковые кредиты на одинаковый срок, на одинаковые суммы и с погашением в банках выдаются под 25–30 процентов годовых, в микрофинансовых организациях и другими кредиторами выдаются под несколько сотен годовых. И это уже не предположение, о чем мы говорили до вступления в силу этой нормы, а это уже факт – то, что в банках портфели снижаются, а в микрофинансовых организациях они за год в 1,5 раза выросли. То есть что это значит? Это вам подтверждение того, что заемщики перетекают из банков пусть и с высокими ставками, но все-таки разумными, в микрофинансовые организации с абсолютно неразумными ставками.

Дальше – это антимонопольная поправка по ограничению веса крупнейшего кредитора при расчете полной стоимости кредита. Казалось бы, многие говорят о том, что это приведет к повышению стоимости, но опять же это стороны одной медали: получается, что, не имея возможности дать на 0,5–1 процент дороже, банк, таким образом, фактически вынуждает гражданина идти в микрофинансовую организацию и получать там кредит дороже в десятки раз.

И выделение зарплатных кредитов в категориях потребительских кредитов – это третий момент, на котором я хотел бы остановиться в части закона о потребительском кредите.

В принципе, Александр Юрьевич, Центральный банк может это сделать и своим подзаконным актом, решением нормативным, инструкцией, но, соответственно, пока это не делается, мы будем предлагать законодательное решение – выделить зарплатных клиентов в качестве отдельной категории потребительских кредитов.

Законопроект о финансовом омбудсмене. Вы знаете, недавно на площадке Банка России состоялось обсуждение этого сложного закона, и само обсуждение говорит о том, что, в общем, не факт, что он сейчас нужен, потому что та конструкция, которая сейчас будет предлагаться, – это обязательное участие, но при этом возможность идти после того, как "просудился" у омбудсмена, в суд, лишает всякого смысла вообще этот закон. Поэтому зачем его принимать в такой форме? Ради того, чтобы принять только? Необходимо это обсудить. Посмотрим, в какой форме он будет представлен к... Он у нас в первом чтении рассматривается, да? *(Оживление в зале.)* В первом, готовится ко второму чтению.

Про коллекторов я уже говорил, что на площадке Минэкономразвития разработан законопроект о коллекторской деятельности, который содержит, в моем понимании, некоторые странные моменты. Например, кредитор не имеет права обращаться в течение 30 дней к заемщику. Хотя, в моем понимании, всегда основная возвратность как раз и заключается в том, чтобы побыстрее провзаимодействовать (в нормальном смысле провзаимодействовать) с заемщиком для того, чтобы напомнить ему... И вообще сама концепция закона представлена таким образом, что коллектор – это какое-то зло. Все-таки нужно понимать, что в части банковской работы, работы по взысканию задолженности это в первую очередь вопрос взаимодействия, переговоров с клиентом, а не вышибание из него долгов. Если мы эту парадигму поменяем и будем рассматривать этот закон в этой парадигме, тогда, наверное, можно его обсуждать.

В двух словах, Сергей Николаевич, о законодательной работе, которая предстоит в моей части нашему комитету. Я готов ответить на вопросы.

С.Н. РЯБУХИН

Спасибо, Николай Андреевич.

Есть вопросы? Или мы все-таки начнем сразу обсуждать? Коллеги, если есть вопросы, можно будет задать. Николай Андреевич до конца просто не сможет принять участие.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Да, заседание Национального финансового совета переносят, поэтому...

С.Н. РЯБУХИН

Он уйдет на заседание Национального финансового совета. Поэтому если есть вопросы, можно задать их прямо сейчас.

В.В. МУРАНОВА

Можно вопрос задать?

С.Н. РЯБУХИН

Пожалуйста.

В.В. МУРАНОВА

Уральский банковский союз, Екатеринбург, Муранова.

Вы абсолютно не рассматриваете работу судебных приставов. То, что в цене содержится рост издержек заемщика, – в том числе это и негибкая работа судебных приставов.

Приведу пример по Свердловской области. Из 94 тысяч присужденных дел только 10 процентов (около 9 тысяч) дошли до своего исполнения. Не хватает судебных приставов, нет электронного обмена, теряются исполнительные листы, банки должны снова обращаться в суды, восстанавливать все это. И банки несут достаточно большие издержки. При заработной плате судебного пристава 15 тысяч, наверное, особого рвения нам от них ожидать и не приходится. Может быть, как-то, обсуждая вот эту проблему, обратить внимание и на проблему взаимодействия банков с судебными приставами.

Н.А. ЖУРАВЛЁВ

Совершенно верно, я полностью с Вами согласен. Но я в своем выступлении постарался отразить законодательные моменты, а это все-таки качество работы системы судебных приставов.

Мы, Сергей Николаевич, если не возражаете, сформулируем данное предложение в проекте решения наших парламентских слушаний, и обязательно будем работать с судебными приставами для того, чтобы это взаимодействие и скорость, безусловно, увеличить, потому что понятно, что это косвенно, естественно, – стоимость, деньги для наших граждан.

С.Н. РЯБУХИН

Спасибо, Николай Андреевич.

Будут еще вопросы, коллеги? Нет.

Присаживайтесь, Николай Андреевич.

Емелин Андрей Викторович, председатель Национального совета финансового рынка.

И я просил бы подготовиться господина Шаффера.

Пожалуйста, Андрей Викторович.

А.В. ЕМЕЛИН

Спасибо большое, Сергей Николаевич.

Добрый день, дамы и господа! Очень рад вас видеть. Вы знаете, что тематика потребительского кредитования являлась одной из первых тем, которой начался заниматься НСФР. И очень отранно, что нам сегодня есть что вам представить, есть что предложить Федеральному Собранию для дальнейшего продвижения в качестве законодательных инициатив. Позволю себе короткий экскурс.

Как вы помните, в прошлом году, еще даже до момента вступления в силу закона, в Банк России уже начало поступать значительное количество запросов кредитных организаций о тех или иных аспектах применения закона № 353-ФЗ. Юридический департамент Банка России обратился к нам с предложением провести работу по обобщению предложений банков по доработке закона и вопросов по его применению. Мы сформировали рабочую группу, в работе которой любезно

приняли участие и Департамент финансовой политики Министерства финансов, и три подразделения Банка России, Юридический департамент ЦБР и главное управление по микрофинансированию и финансовой доступности. В результате работы этой группы мы сделали сначала свод ответов на вопросы, часть из них в итоге стала официальной позицией Юридического департамента Центрального банка, они размещены на сайте ЦБ. Вторая половина предложений банков потребовала гораздо более глубокой проработки, поэтому это отняло чуть больше времени, чем мы планировали. Но на сегодняшний день есть сформированный пакет инициатив (Сергей Николаевич уже анонсировал, они представлены вашему вниманию в раздаточном материале). И мы с большим удовольствием, если будет на то решение парламентских слушаний, примем участие в работе по подготовке проекта федерального закона для их реализации.

Что касается конкретных мер... Прежде всего, конечно же, Николай Андреевич абсолютно правильно акцентировал внимание на проблемах, связанных с применением полной стоимости кредита. Все вы помните те жаркие дискуссии, которые велись при подготовке законопроекта к принятию. Тот вариант, который был принят, как обычно, стал определенным компромиссом. Но, по нашему мнению, сама по себе методика расчета ПСК обладает целым рядом существенных, не скажу недостатков, но черт, которые формируют те самые издержки, снижению которых посвящено наше сегодняшнее заседание.

Прежде всего (то, о чем упоминал Николай Андреевич в своем выступлении), это, конечно же, неограничение доли крупнейших кредиторов, в результате которого справедливый расчет действительно среднерыночной величины резко смещается вниз просто под давлением одного, двух, трех крупнейших игроков. Ни для кого не секрет, что эти игроки государственные, и мы в данном случае являемся свидетелями просто фиксации одного из механизмов несправедливой конкуренции на рынке потребительского кредитования. Можно сколь угодно приветствовать те результаты, которые мы имеем по итогам такой модели. Да, действительно, такая модель тянет ставку вниз, но она ее тянет туда абсолютно несправедливо, абсолютно без учета того, что эта ставка никаким образом не соответствует ни структуре затрат значительной массы участников рынка, ни структуре их продуктов и в принципе ориентируется на некую заниженную среднюю величину, каковой на самом деле в природе нет.

То же самое касается зарплатников. Всем понятно, что зарплатные кредиты по определению являются кредитами по серьезно заниженной ставке. Всем понятно, что основной категорией банков, выдающих такие кредиты, являются как раз те самые банки, которые превышают антимонопольную долю в 25 процентов на рынке. И мы, таким образом, на более или менее рыночный "корабль" потребительского кредитования навешиваем вторую гирю несправедливой конкуренции, когда еще и по каждому виду кредитов мы получаем дополнительную нагрузку, связанную с понижением этой ставки.

Опять же, кажущийся разовый положительный эффект, который мы имеем в целом по банковской системе, одновременно, причем в тот же самый момент, отражается негативно на финансовом рынке в целом, потому что та ниша, которая высвобождается в результате ухода кредитных организаций из верхнего банковского слоя финансовых продуктов, мгновенно замещается. Может быть, не мгновенно, может быть, с течением времени, но точно замещается. И Николай Андреевич акцентировал внимание на темпах этого замещения, которые несравнимы ни с каким темпом развития банковского кредитования. Рост в 1,5 раза для микрофинансовых организаций при всем моем уважении к ним – это не то, как мне кажется, что мы с вами имели в виду, принимая этот закон.

Вспомните, какую цель ставил Президент, когда мы начинали разработку этого закона, – снижение закредитованности граждан. Что мы получили на выходе? Там, где вчера присутствовал банк, даже с потолковой – 50-процентной – ставкой, которая на самом деле именно потолковая, сейчас мы имеем микрофинансовую организацию с официально разрешенной ставкой в 270.

Ну, какая это борьба с закредитованностью, коллеги? Для кого это все делается? Для банков? Нет. Для потребителей? Тем более нет. О какой социальной ориентированности этой нормы можно говорить? О каком социальном эффекте положительном от принятия этого закона? Да, мы где-то выжили банки с определенного рыночного сегмента. Но неужели мы думаем, что

после этого физические лица развели руками и пошли по домам, не взяв эти заемные средства? Ничего подобного. Они их взяли, но там, где они стоят на порядок дороже. И завтра это все аукнется той самой колоссальной закредитованностью, которая потом придет к нам через псевдоколлекторов, которые начнут что-то взыскивать, которых мы потом будем пытаться урегулировать, через рост неофициального кредитования. вспомните, какое количество МФО выходит из реестра Центрального банка. Они что, уходят с рынка? Ничего подобного. Они продолжают работать под самыми различными вывесками.

Николай Андреевич абсолютно правильно говорил о необходимости борьбы с финансовыми пирамидами, но это не единственная форма незаконного участия в работе финансового рынка, с которой следует бороться. Но для чего же мы своими руками создаем то, с чем нам потом придется бороться? Кому это нужно? Мы вытесняем белого, прозрачного, отчитывающегося ежедневно кредитора, который формирует резервы, который находится под пристальным надзором Банка России, и замещаем его кредитором, который Банку России зачастую вообще неизвестен.

Мы считаем, что эту ситуацию нужно менять. Мы полностью поддерживаем инициативы, которые Николай Андреевич сформулировал, будем готовы предложить соответствующие формулировки, но это, к сожалению, не единственный вопрос.

Еще одна тема, очень важная, которая поднималась неоднократно при рассмотрении проекта закона, – это тема, связанная с распределением надзорных полномочий. Все вы помните, что в отношении банков достаточно справедливо высказывался целый ряд нареканий со стороны различных надзорных государственных органов в части взаимодействия с потребителями до принятия закона № 353. И именно наличие таких претензий служило причиной принятия закона № 353, именно поэтому он таков, каков он есть. Он очень подробно, детально регламентирует взаимоотношения банка с заемщиком с самого первого момента контакта.

После того, как мы это всё подробнейшим образом урегулировали и определили, что надзирать за соблюдением закона у нас призван Банк России, а сохранение дуализма, а то и триады полномочий за различными надзорными органами не ведет ни к чему, кроме дальнейшего непонимания на уровне правоприменения, а формирование единства правоприменительной практики, на наш взгляд, после принятия этого закона должно быть сконцентрировано в Банке России (у него есть к тому надлежащая структура, вы знаете, – управление по защите вкладчиков и миноритарных акционеров), на наш взгляд, абсолютно естественно было бы наделить его полномочиями по контролю за соблюдением закона № 353 и тем самым обеспечить равные условия надзора для всех субъектов закона № 353.

Николай Андреевич упоминал, что одним из достижений этого закона стало его распространение не только на банки. Но единство надзорного подхода сейчас может быть абсолютно легально обеспечено Банком России, он является мегарегулятором, охватывающим абсолютно всех субъектов исполнения закона. Никаких препятствий для реализации этой задумки, которая по ряду соображений не была реализована в момент принятия закона, на сегодня мы не видим.

Что касается более детальных вопросов... Вы знаете, что мы традиционно занимаемся, как иногда может показаться, чересчур мелкими юридическими нюансами, но, на мой взгляд, все-таки "бог всегда в подробностях", и от того, насколько тщательно будут сформулированы те или иные нормативные положения, зависит именно тот уровень затрат, о котором мы с вами сегодня говорим.

Очень коротко. Упрощение документооборота между сторонами. До сих пор мы сталкиваемся с необходимостью получения всех необходимых согласий от заемщиков в момент оформления заявления на выдачу кредита. Коллеги дорогие, это невозможно. При оценке заемщика возникает необходимость самого разнообразного урегулирования с ним и в виде дополнительных услуг, и в виде получения дополнительных документов. Переоформление каждый раз заявления о выдаче кредита – это издевательство. Никакой причины, чтобы закрепить возможность получения согласия в письменной форме... Подчеркну, никто не предлагает смягчать этот уровень, но это письменное согласие может быть получено в любой форме.

Конкретизация формы изменения индивидуальных условий. На сегодняшний день, собственно, толкование таково, что при изменении любого из индивидуальных условий мы вынуждены переоформлять их целиком. Зачем? Эти индивидуальные условия – это достаточно объемный документ, изменение которого каждый раз требует от потребителя усиленного внимания ко всем положениям. Если изменяется одно условие, ничто не препятствует сделать это точно и выдать потребителю то самое условие, которое изменилось.

Что касается страхования, Николай Андреевич справедливо отметил необходимость разработки "периода охлаждения". Проект указания Банка России готовится. Практически все присутствующие здесь принимают самое активное участие в его подготовке. Мы надеемся на то, что он быстро будет реализован.

Что касается страхования, до сих пор сохраняется неопределенность относительно страхования залога. Мы были полностью уверены, что закрепление в Гражданском кодексе нормы о том, что страхование залога является обязательным, делает такой вид страхования именно обязательным. Но, к сожалению, на стадии обсуждения этой позиции с Банком России мы не смогли достичь общей позиции, и теперь это потребует законодательного закрепления.

Относительно возможности альтернативы – расторжение договора или повышение ставки – в случае нарушения заемщиком обязанности по страхованию тоже на сегодняшний день очень нечетко прописано в законе, и в итоге оказывается под сомнением возможность выбора банком – расторгнуть договор или повышать ставку в том случае, если в договоре оговорено право на повышение ставки. Мне кажется, что наличие у банка абсолютно естественных обоих прав не подлежит сомнению. Все иные толкования приводят только к сумятице на уровне правоприменения.

Последний пункт касается обязанностей кредитора при досрочном возврате части. Здесь нам кажется абсолютно нерациональным и вводящим потребителя исключительно в заблуждение предоставление ему пересчитанной ПСК в случае частичного досрочного возврата. Все мы помним, что смысл ПСК – в первоначальном сравнении кредитных продуктов, когда потребитель входит на рынок и хочет что-то купить. В этот момент это имеет смысл. Пересчитывать ПСК тогда, когда кредит, например, уже половину срока "прожил", – ничего, кроме введения потребителя в заблуждение (особенно при непропорциональных платежах, когда ПСК может серьезно измениться), кроме сумятицы, это не привносит, никакого смысла мы в этом, честно говоря, не усматриваем. И дальнейшее сравнение продуктов, на мой взгляд, может быть произведено иными способами.

И уточнение даты расчета, суммы основного долга и процентов. На сегодняшний день нечеткость формулировки приводит к тому, что потребители часто обращаются в банки с претензиями о том, что они думали, что все это должно считаться иначе.

Совсем телеграфно относительно дальнейших шагов. Николай Андреевич просил упомянуть про пилотный проект. Действительно, по пилотному проекту с Пенсионным фондом достигнут определенный прогресс. Запущен сервис ПФР в СМЭВ, позволяющий проверять доходы заемщика и получать выписку с индивидуального лицевого счета. Однако существует очень серьезная проблема низкой актуальности данных Пенсионного фонда, задержки этой информации составляют минимум шесть месяцев. Понятно, что это неприемлемо. В такой системе, даже если мы реализуем все остальные задумки, связанные с абсолютной автоматизацией запросов со стороны банков и SMS-подтверждением согласия физлица на обработку персональных данных, это нас не спасет. Полугодовая задержка – это ни о чем.

Пенсионный фонд, правда, готовит пакет инициатив, которые тоже окажутся в Совете Федерации.

Мы тоже надеемся, Сергей Николаевич, на вашу поддержку по их скорейшему прохождению, с тем чтобы снизить нормативные сроки сдачи отчетности, направляемой в Пенсионный фонд, и тем самым сократить тот срок, который приходится на нормативную часть.

Мы рассчитываем, что во второй этап пилотного проекта, собственно, мы должны войти уже в ближайшее время. "Ростелеком" завтра (как раз у нас будет проходить большое совещание) будет докладывать о предпринятых шагах в этом направлении.

Помимо сервисов ПФР, хотел бы ответить Валентине Владимировне на ее замечание о ФССП. На мой взгляд, одним из вариантов решения является автоматизация взаимодействия с ФССП. И в принципе наличие ФССП в системе межведомственного электронного взаимодействия это позволяет. Нам нужно просто выработать тот формат, который позволит обмениваться стандартными сообщениями по всем регионам, которые сейчас разнятся от региона к региону, и тем самым обеспечить, собственно, унификацию на уровне причем правоприменения, нам даже не нужно изменение в закон. В этом отношении мы очень рассчитываем на нашу рабочую группу по электронным государственным сервисам. Там сервисы и ФНС, и Федеральной миграционной службы, и ФССП уже присутствуют.

Относительно снижения коэффициентов риска тоже не могу не упомянуть. Николай Андреевич вскользь сказал, что в инструкции № 139-И Банком России были уже поставлены запретительные коэффициенты на чрезмерные ставки по ПСК. Однако сейчас, когда у нас есть четко, нормативно закрепленный механизм расчета разрешенного уровня полной стоимости кредита, нам, казалось бы, правильно пересмотреть эти коэффициенты и, например, установить норматив в коэффициент в 1,1 не с рубежом 35 процентов, как сейчас, а с рубежом верхней планки, разрешенной согласно закону № 353-ФЗ. Это логично. Если закон разрешает кредитовать по этой ставке, никакого смысла в повышенном, как бы нагрузочном коэффициенте для этих кредитов, честно говоря, сейчас уже не усматривается. Да, повышательные коэффициенты на запредельное кредитование могут быть сохранены, но там, где мы действуем в пределах закона, мы считаем, что излишняя финансовая нагрузка формирует те самые издержки, про снижение которых мы с вами сегодня говорим.

Предоставление специальных инструментов рефинансирования находится на первой стадии обсуждения. Мы постараемся сформулировать предложения, которые можем передать в Банк России для, возможно, определенного льготного рефинансирования банков, которые работают в сегменте потребкредитования. Как вы знаете, многие из них не являются субъектами докапитализации в рамках программы ОФЗ, соответственно, для них было бы очень целесообразно иметь специальные инструменты.

На этом, коллеги, я благодарю вас за внимание и заканчиваю выступление. Подтверждаю нашу готовность представить Сергею Николаевичу все предложения, описанные в приложенных материалах, в виде законопроекта. Спасибо.

С.Н. РЯБУХИН

Спасибо большое, Андрей Викторович, за такой лаконичный, но очень объемный доклад-выступление.

Я предоставляю слово Мартину Шафферу, заместителю председателя правления ООО "Хоум Кредит энд Финанс Банк". Подготовиться Хьюзу Оливеру Чарльзу.

Пожалуйста, господин Шаффер.

М. ШАФФЕР

(Говорит с сильным акцентом. Возможны искажения смысла.)

Добрый день, уважаемые дамы и господа! Я коротко выступлю в поддержку Андрея. Три таких коротких темы: первая – это наш опыт работы с данными Пенсионного фонда; вторая – есть короткие предложения с точки зрения законодательной инициативы; и третья – это влияние законодательного процесса на деятельность банков.

Я думаю, больше двух лет или два года назад мы реально начали сильно интересоваться доступом к данным Пенсионного фонда. Я должен сказать, что наконец-то при поддержке Центрального банка, при поддержке Минкомсвязи и в этом плане – Совета Федерации нам удалось этот пилот запустить. Сегодня у граждан есть реальная возможность регистрироваться в банковских офисах, на едином портале государственных услуг и получать эти выписки.

Фактически только 10 процентов граждан пока пользуются доступом в этот единый портал государственных услуг.

Что у нас сейчас имеется? Первая выписка (потому что работа была долгой, и надо было наладить эту коммуникацию) у нас была получена в июле этого года. Из тех данных, которые вы видите на мониторе, можно сделать вывод, что этот образец пока маленький, но фактически нам удалось сформировать уже 105 кредитных досье с выписками из Пенсионного фонда. В 40 случаях мы кредиты реально выдали, и пока ни по одному из этих кредитов нет просрочки. Здесь я хочу подчеркнуть, что не менее важный аспект при работе с Пенсионным фондом – это то, что нам удается через этот портал или через работу с Пенсионным фондом идентифицировать клиента. Поэтому в этом плане можно почти исключить мошенничество, что тоже не менее важно.

Практически получается, мы видим, что мало кто из граждан знает про СНИЛС. Поэтому в этом плане мы бы хотели реально добраться до того, чтобы, работая с данными Пенсионного фонда, мы могли использовать андеррайтинг, можно сказать, в промышленном виде. Это значит, что, возможно, большее количество наших потенциальных клиентов проходило бы эту проверку. Но пока с точки зрения каких-то доработок, ошибок, с точки зрения того, что люди не знают, как складывается этот механизм, он не очень удобен. В Пенсионном фонде, я думаю, обсуждается все то, что мы предлагаем, считаем, что это было бы хорошо. Было бы очень хорошо, если бы реально гражданин мог возложить со своего согласия эту работу на гражданина, чтобы банк мог получить эту выписку напрямую. Я думаю, что с точки зрения охраны данных людей это даже более безопасно, потому что этим будет заниматься специальный сотрудник Центрального банка, который занимается андеррайтингом, и это будет находиться под большим контролем, чем если этот процесс будет происходить в наших 500 офисах, где флуктуация и качество сотрудников намного хуже.

Почему мы считаем, что это очень важно? Мы занялись внутри банка, считали, какой impact от того, если бы эти данные мы получили год назад. И пришли к тому, что, когда мы сравнили как бы образец (sample) людей, у которых зарплаты совпадают со среднестатистическими зарплатами, которые публикуются по регионам... Взяли другой образец наших клиентов, где мы видим завышение этих зарплат, потому что люди при попытке получить кредит делают... Видите, что дефолтность этих клиентов увеличена на 33 процента.

Другой пример, который мы сделали (или такой подход), как это оценить, – это то, что мы реально взяли sample (образец) наших клиентов, у которых нам удалось реально проверить их зарплату, и потом остальных клиентов. Видите, там тоже эффект почти 18 процентов.

Получается, если говорить в денежном выражении, только в цифрах нашего банка, по консервативной оценке, – где-нибудь в районе 500 миллионов на всю банковскую сферу. Мы считаем, что эта оценка очень консервативна, это где-нибудь 50 млрд. рублей.

Я бы хотел еще подчеркнуть, что эти данные дают возможность, понятно, клиенту дать лучше ставку, они понижают эту дефолтность, сокращают срок, сокращают затраты банков на... Потому что когда банк, по сути, оценивает клиента, в основном все его стремление как раз идет к тому, чтобы разузнать реальные доходы этого клиента.

Здесь еще одно подтверждение того, насколько мы считаем, что это направление очень важное, серьезное, почему мы предлагаем по нему дальше двигаться. Наш банк работает не только в России. Это слайд из банка, который работает в Казахстане. Это скоринговая карта банка Казахстана. Вы можете видеть, что самый лучший предиктор с точки зрения оценки кредитоспособности заемщика – это как раз получение информации о его доходе из пенсионного фонда. В Казахстане эта дискуссия началась намного позже, но там, по сути, эта модель, о которой я сейчас говорю, уже работает.

На примере этого слайда я бы хотел рассказать о том, что вообще-то вся история у нас с Андреем началась с момента, когда Центральный банк хотел бороться с закредитованностью, и в том числе Министерство финансов. Мы считаем, что это тоже путь, который ведет к тому, чтобы реально оценивать заемщиков по так называемым коэффициентам задолженности, которые дают

намного более справедливые оценки, условия для того, чтобы бороться с закредитованностью. И можете оценить вот это – по-английски DTI.

На этом слайде показано, насколько неэффективно регулировать закредитованность ограничением процентной ставки. Здесь уже тоже об этом было сказано, что на самом деле получается, что этот спрос не теряется, он просто перенаправляется в другой сегмент; я думаю, с точки зрения социальной ответственности – в сегмент, который намного хуже урегулирован, чем сегмент банковский.

Вторая часть того, о чем бы я хотел упомянуть или что бы мы хотели здесь предложить. Мы считаем, что надо с точки зрения закона о потребительском кредитовании уточнить понятие "дополнительные услуги", потому что это внесет окончательную ясность в то, что включается в расчет ПСК. Мы считаем, что дополнительные услуги, которые необязательны для получения кредита, которые реально приносят value для клиента, и заемщик может отказаться, их брать в расчет не надо. Потом, мы не считаем очень удобным каждые три месяца перерасчитывать эти коэффициенты ПСК. Думаем, что период полгода вполне достаточный для сегодняшней ситуации.

Сегодня мы видим, куда банковский рынок движется, – это заключение договоров. И надо дать эту возможность реально заключить дистанционным образом договора в случаях, когда заемщик реально идентифицирован: он идентифицирован или через услугу, которую получает, как, например, авиабилеты, или он, например, уже идентифицирован в другом банке, получает, например, кредит на счет другого банка.

Еще здесь есть такой момент, он как бы более социальный, с чем мы боремся, о чем я бы хотел рассказать, – что все эти моменты имеют impact на налоговое законодательство, где мы не всегда видим полную скоординированность. Поэтому что я думаю? Было бы целесообразно внести изменения в Налоговый кодекс с точки зрения того, чтобы в случаях, когда мы списываем задолженность, прощаем в сложных ситуациях нашим клиентам задолженность, у них не возникало налоговых последствий, потому что сегодня банк, по сути, должен уведомить об этом налоговую службу, и у них возникают налоговые обязательства, что я не считаю целесообразным.

Третья часть, о чем бы я хотел сказать очень коротко, – о том, чтобы мы все тоже понимали, каким образом законодательный процесс влияет на деятельность банков. Здесь пример того, какие инициативы только в этом году были внесены. Я не говорю про инициативы, например, Центрального банка, которым банки должны подчиниться и, по сути, соответствовать этим стандартам. Только доработка закона о потребительском кредитовании стоила банку 1900 человеко-дней, и, по сути, работы, чтобы его внедрить, происходили 260 дней. Поэтому сегодня реально время не очень простое, как Андрей Емелин уже сказал, с точки зрения законодательного процесса. Здесь я бы хотел попросить о какой-то стабильности или реально очень большой эффективности, потому что банк – это живая институция, которая сама направлена на саморазвитие. Но я думаю, что в последние полтора года 50 процентов наших усилий уходит как раз на то, чтобы внедрить все изменения в этих системах, чтобы мы соответствовали новым требованиям, которые к нам предъявляются.

Это, коллеги, все. Спасибо большое за ваше внимание.

С.Н. РЯБУХИН

Спасибо, господин Шаффер.

Я предоставляю слово Хьюзу Оливеру Чарльзу, председателю правления Тинькофф Банк.

Подготовиться Иванову Олегу Михайловичу.

Пожалуйста.

О.Ч. ХЬЮЗ

Спасибо большое.

Добрый день! В свете предыдущих элегантных выступлений я боюсь, что ничего особо оригинального не скажу. Но, по-моему, вы говорите, что вода точит камень.

Есть у меня три коротких тезиса.

Первый тезис. Мы выражаем искреннюю благодарность всем участникам за успешную реализацию первой части пилотного проекта по организации доступа кредитных организаций к данным ПФР. Это очень важно и очень хороший первый шаг. Но это первый шаг. Все кредитные организации смогут получать информацию о доходах потенциальных клиентов и тем самым лучше оценивать их платежеспособность, снижать кредитные риски и, в свою очередь, снижать стоимость кредитов для граждан.

Но, к сожалению, остались неравные условия в этой области. Одни банки имеют прямой доступ к ПФР (это старая программа, шесть таких банков, почти все государственные), а другие – только через пилотный проект имеют доступ к ПФР. Это значит, что мы имеем неравные условия. И мы с глубоким уважением просим Правительство, Центральный банк сделать равными условия для всех игроков на рынке, это важно, то есть отменить старую программу.

Второй тезис – введение так называемой антимонопольной поправки в расчеты ПСК. Предельная ПСК введена, и мы с этим живем, несмотря на тяжелые времена, все привыкли, все работают. В законе № 353-ФЗ установлено, что банки могут превышать стоимость заимствований для граждан не более чем на треть от средневзвешенной ПСК по каждому продукту (рассчитывается ежеквартально). Однако с учетом текущей ситуации на рынке потребкредитования, где один игрок занимает огромную долю в новой выдаче каждый месяц (например, в кредитных картах это свыше 40 процентов, как мы знаем, при ипотечном кредитовании это доходит до 90 процентов иногда на двух участников рынка), официальная формула расчета ПСК не полностью соответствует положениям статьи 5 Федерального закона "О защите конкуренции", вовсе не учитывает требования постановления Правительства Российской Федерации о правилах определения доминирующего положения кредитной организации на рынке. То есть некие коллизии. Банковское сообщество неоднократно предлагало внести изменения в закон в части ограничения доли одного отдельного игрока (неважно какого) при расчете среднерыночного значения ПСК в размере 25 процентов. Стоит также здесь добавить, что данные изменения в виде поправки к закону № 353-ФЗ уже были согласованы со всеми ведомствами и единогласно одобрены 22 апреля 2015 года на заседании профильного Комитета Госдумы по финансовому рынку. Но эта инициатива, к сожалению, на последней миле застряла и так не была принята.

Третий тезис, предложение, – это расчет операционного риска. Полагаем, что применение повышенных требований по сравнению с требованиями Базеля к достаточности капитала сегодня непродуктивно. В условиях достаточно высокой волатильности на валютном рынке в непростой макроэкономической ситуации в целом мы считаем целесообразным, что Банк России учтет эти сложности (спасибо, если он это сделает) и поддержит кредитные организации в части некоторых предложений по снижению требований увеличения регуляторного капитала на покрытие ОПО-риска, то есть включение величины ОПО-риска в номинацию Н 1.1 с весом 10 вместо 12,5. То есть это есть некие расхождения с Базелем. Это особенно важно для розничных игроков, потому что этот ужесточенный расчет сильно ударит по капиталу.

Вот мои короткие предложения. Спасибо огромное за ваше внимание.

С.Н. РЯБУХИН

Спасибо большое.

Слово предоставляется Олегу Михайловичу Иванову, старшему вице-президенту АО "Альфа-Банк".

Подготовиться Жданову Александру Юрьевичу.

Пожалуйста, Олег Михайлович.

О.М. ИВАНОВ

Добрый день, уважаемые коллеги! Мне остается только присоединиться к тем абсолютно правильным тезисам, которые высказали наши коллеги, умудренные международным опытом.

Мне кажется особенно важным то, что конкретные законодательные нормы превращены в цифры. Я хотел бы со стороны одного из ведущих российских банков тоже несколько цифр

добавить, потому что действительно мы сегодня обсуждаем издержки, и, может, правильно-то сначала говорить про издержки граждан.

И здесь я бы хотел привести три тезиса, которые касаются вопросов, кому продавать кредит, где продавать кредит и почему продавать кредит.

Первый тезис – кому продавать кредит. Здесь поражает скорость подключения к электронной почте ПФР. То есть год банки в рамках пилотного проекта подключались к электронной почте ПФР, и, в общем-то, в итоге механизм оказался в значительной степени неработоспособным, то есть он технологически сложно масштабируется.

"Альфа-Банк" ждет реализации второй стадии проекта, когда можно будет получать более удобным каналом эти данные из ПФР. Но, на наш взгляд, государственный подход мог бы состоять в том, что если государство заинтересовано в снижении ставки, то, наверное, сначала было бы нужно сказать, что государство берет на себя обязанность предоставить банкам всю информацию из информационных систем госорганов. И после того, как эта информация получена банками, банки увидели, что реально кредитные риски снижаются на 10–15 процентных пунктов, автоматически происходит снижение полной стоимости кредита и включается ограничение ПСК. Я думаю, при такой постановке вопроса скорость подключения к почте ПФР и реализация других вариантов существенно бы увеличились, если бы государство взяло на себя некоторые встречные обязательства по отношению к банкам, причем это было бы сделано в интересах всех граждан Российской Федерации.

Следующий вопрос касается того, где продавать кредиты. И вот он, на мой взгляд, еще не очень раскрыт, потому что, на наш взгляд, ключевые расходы банков здесь как раз связаны не столько с законом о потребительском кредите, сколько с законом № 115-ФЗ, касающимся внесения изменений в законодательство об идентификации.

Что мы сейчас видим? Мы видим, что в настоящий момент очень активно большое количество игроков выносит точки продаж за пределы банковских офисов. Этот процесс пошел лавинообразно на самом деле после того, как введено ограничение ПСК, и у нас сегодня наиболее бурно развивающиеся продавцы – это кредитные брокеры и МФО, у них все растет.

Обратите внимание, что юридическая возможность продавать кредитные продукты вместе с открытием банковского счета прежде всего регулируется (уж так поразительно) федеральным законом № 115. Там установлены требования, посвященные так называемой делегированной идентификации, либо идентификации по поручению, и очень расплывчатая норма по тому, как надо открывать банковский счет при личном присутствии клиента. На сегодняшний день даже в банковском сообществе существует 10 разных толкований того, в каком режиме открывается банковский счет. И тут мы оказываемся в очень неприятной ситуации. Игроки, которые готовы рискнуть, которые в меньшей степени дорожат репутацией, готовы толковать эту норму максимально мягко и начинают открывать счета, продавать кредитные, депозитные продукты через МФО и кредитных брокеров, торгово-сервисные предприятия, выстраивая такие, я бы сказал, под большим юридическим риском находящиеся модели идентификации. В настоящий момент банки заинтересованы в том, чтобы максимально определенные нормы (но, конечно, максимально более либеральные) в сфере идентификации при продаже банковских продуктов, прежде всего счета, депозита и кредита, были введены в закон, во-первых, а во-вторых – для того чтобы была какая-то временная программа, связанная с этими изменениями.

В какой ситуации сегодня оказываются банки? С одной стороны, руководство Банка России и Минфина говорит о том, что вот у нас уже по стране идет дигитализация, цифровизация и уже все можно будет скоро делать дистанционно, используя то ли СМЭВ, то ли ЕСИА. В этой ситуации, очевидно, становится под вопрос целесообразность открытия новых офисов. Зачем создавать новые офисы, если завтра нам разрешат это продавать на столиках в торговых точках? Таким образом, в значительной степени, по нашим оценкам, до 300 млрд. рублей вложений банков в недвижимость просто обесценятся в результате такого рода проектов, очень полезных и очень важных, по повышению доступности. Но, по сути, это блокирует всю инвестицию банков в инфраструктуру до тех пор, пока не возникнет полная ясность с тем, каковы же планы государства по внедрению действительно этой дигитализации и цифровизации в виде упрощенной

идентификации, в виде идентификации по поручению и, соответственно, какие виды продуктов и через каких посредников банки получат возможность продавать в будущем.

Теперь тот вопрос, который уже многократно затрагивался и касается темы: а почему же продавать? И тут возникает еще один парадокс, про него очень много говорили. Вот Андрей Викторович вышел... а, знаете, я бы начал с его слов, абсолютно поддерживая их. Он сказал: "Там, где раньше банк продавал по 50, сегодня МФО продает по 200". Да все он правильно сказал, но это только половина правды, потому что мы с вами понимаем, что это та МФО, которая продает те же самые деньги банка. Вот это полная правда, да? А еще более красивая ситуация возникает тогда, когда кредитный брокер оказывается на том месте, где раньше был банк, и он через это одно окно продает деньги банка не больше, чем под 50 процентов годовых, а деньги МФО тому же самому клиенту через то же самое окно – под 200 и 600 процентов годовых.

А еще интереснее возникает ситуация, когда там, где был банк, он и остался, но еще появилась МФО, потому что банк стал кредитным брокером, и гражданин, приходя в банк за кредитным продуктом, в общем-то, реально получает заем потребительский от как бы юридического лица, вывески которого он не видит. И, в общем-то, парадокс состоит в том, что действующее законодательство абсолютно разрешает эти схемы. И в то же самое время мы слышали несколько высказываний руководителей Банка России, которые говорили о том, что банки будут привлекаться к ответственности, если будут обходить закон.

Таким образом, возникает, с нашей точки зрения, парадоксальная ситуация. То есть с точки зрения банков и читая законы, законодательство, банки могут выдавать кредиты МФО, банки могут продавать продукты через кредитных брокеров, МФО могут выдавать потребительские кредиты гражданам. Все абсолютно легально. И Центральный банк в то же самое время грозит некоторым банкам, использующим такую схему для обхода закона. На мой взгляд, это очень серьезный и очень странный парадокс. Поэтому, с нашей точки зрения, необходимо навести порядок и совершенно четко в части кредитных брокеров и в части вот этого правового арбитража, существующего между банками и МФО, в значительной степени начать, наверное, надо с анализа.

По итогам первого квартала действия ограничения ПСК (это будет третий квартал) к 20 октября у Центрального банка, по-видимому, соберутся ключевые цифры. Это цифры, в которых рынок банковских кредитов и рынок займов МФО надо анализировать совместно. Это соответственно объемы выдачи по кредитным продуктам, это полная стоимость кредита и, что самое важное для нас, это счета 451-й и 470-й банковских балансов, на которых только и можно увидеть при более детальном рассмотрении те объемы ресурсов, которые действительно утекают из банковской сферы в сектор дружественных кредиторов.

Теперь я бы хотел обратить внимание на некоторую, на наш взгляд, ключевую неопределенность в сложившейся ситуации, про нее косвенно тоже уже говорили. В чем смысл ограничения ПСК в зарубежных юрисдикциях, как мы это читаем во всей иностранной литературе? Там четко говорится: "Мы ограничиваем ПСК, – говорит французский или американский законодатель, – для того, чтобы оградить доступ части граждан, имеющих низкую кредитоспособность, к кредиту". Вот оградите точкой, неважно, через какой канал. И в этой ситуации очевидно, что наше действующее законодательство такую цель не ставит и не решает. У нас этот гражданин в этой же самой точке внутри кредитного брокера, как уже было сказано, не может купить банковский кредит и закредитоваться под 50, но может под 200.

Но вроде бы нам говорят другие авторы закона о том, что цель-то была другая. Она состояла в том, чтобы повысить устойчивость банковской системы и, таким образом, условно говоря, всех ненадежных клиентов вывести из банков. Но по идее тогда в рамках этой логики, если мы хотим достигнуть этой цели, мы должны ставить барьер, стену между денежными ресурсами банков и остальных финансовых посредников, которые продают микрозаймы. И тогда, наверное, по логике Центральный банк должен вводить коэффициент взвешивания не меньше шестерки по всем банковским кредитам, предоставленным микрофинансовым организациям, если мы действительно преследуем такую законодательную цель, ограничивая ПСК.

Вопрос. А с 1 января этого года объемы банковских выдач упали в 2,5 раза без каких-либо изменений законодательства, и, соответственно, закредитованность граждан и объемы ресурсов, которые они получают из финансового сектора, в 2,5 раза упали. Нужно ли вообще в законодательстве сохранять... какие-то цели ставить по снижению закредитованности граждан, если жизнь раньше нас уже эту задачу решила, может быть, даже как бы многократно избыточно с точки зрения банковского сектора и роста ВВП?

Поэтому, с нашей точки зрения, наверное, правильнее вернуться к какому-то целеполаганию в части полной стоимости кредита. И здесь очевидно, что решения могут быть даже более простыми и решаться на уровне Центрального банка. Как я уже сказал, это может быть либо "китайская стена" между банками и МФО, либо соответственно объединение категорий кредитов, что опять находится в ведении Центрального банка. А на уровне законодательства надо гораздо четче регулировать деятельность кредитных брокеров, а также банков, выступающих в качестве кредитных брокеров. Все. Спасибо большое за внимание.

С.Н. РЯБУХИН

Спасибо большое, Олег Михайлович, за такой большой перечень предложений и анализ хороший, скрупулезный.

Коллеги, уже прозвучало в шести выступлениях достаточно много предложений, и анализа вообще много. Поэтому есть предложение какое? Послушать Центральный банк, Александра Юрьевича от Центрального банка, и Сергея Владимировича от Минфина. И потом посоветуемся дальше по завершению наших парламентских слушаний.

Пожалуйста, Александр Юрьевич.

А.Ю. ЖДАНОВ

Коллеги, добрый день! Очень приятно выступать перед вами.

Коллеги, если можно, я построю свое выступление в виде ответов на те предложения, которые были высказаны, потому что, мне кажется, это представляет основной интерес.

Вообще, когда заявлялась эта тема – закон о потребительском кредите и снижение издержек кредиторов и заемщиков, – я для себя ее оценил с точки зрения того, что на самом деле эта цель была в значительной степени ключевой при разработке этого закона, и она учитывалась. И, мне кажется, показательно, что сейчас, когда идут предложения, скажем так, по пути снижения издержек, количественно их не так много, потому что очень многое удалось сделать еще при принятии первоначального текста. Это и возможность, которая была предоставлена кредиторам с точки зрения уступки прав требования, то есть возможность соответственно монетизации тех кредитов, которые были предоставлены.

Была разрешена давняя, скажем так, проблема, связанная с рассмотрением дел в судах по месту нахождения заемщика, то есть тем самым ограничили круг судов по месту нахождения субъекта Федерации.

Более четко прописаны случаи, когда предоставляется та или иная информация, в каком виде она предоставляется. Минимальные гарантии, с одной стороны, были предоставлены, но было сказано, что все иные документы предоставляются за плату, не превышающую копирование, тем самым создавая стимул для банка выдавать эту информацию, но не создавая избыточных стимулов для клиентов истребовать ту информацию, которая им не является нужной.

Что касается тех предложений, которые сейчас рассматриваются... В отношении ограничения 25 процентами, так называемая антимонопольная поправка, в моем понимании, прямого отношения к закону о защите конкуренции эта поправка не имеет, хотя она называется антимонопольной, но Центральный банк не возражает против ее реализации. Просто нужно четко понимать... В действительности мы проводили обсчеты на базе существующих данных с текущими значениями и с 25-процентным ограничением. Вот то, о чем говорил Андрей Викторович, – такого кардинального понижения размера процентной ставки не происходит. Действительно, она в целом понижается. Там на самом деле есть одна категория, где она даже чуть-чуть повышается. Но вот такого резкого снижения не происходит. Хотя мы считаем

действительно возможным и правильным то, что, скажем так, влияние одного или двух кредиторов на какую-то категорию кредитов не должно быть очень существенным.

И в качестве короткой ремарки... Ипотека, где Вы говорили, что 90 процентов занимают два госбанка, выпадает в принципе за рамки закона о потребительском кредите, поэтому не учитывается при расчете полной стоимости кредита.

Что касается вопроса, связанного с выделением так называемых зарплатников... И опять же справедливо говорилось о том, что это на самом деле две стороны одной и той же медали, связанной с наличием госбанков и тем положением, которое они занимают на рынке. То есть в нашем понимании введение этой антимонопольной поправки с 25 процентами, преследуя, скажем, цель – ограничение влияния крупнейших банков, которые в банковской системе России являются госбанками, уже достигает достаточно эффективно эту цель. И выделение зарплатников не должно дублировать это, потому что сам по себе критерий наличия зарплатного счета при предоставлении кредита является таким достаточно странным критерием для выделения категорий кредита.

Что касается вопроса, связанного с выделением категорий потребительских кредитов по виду кредитора... Работая в Департаменте банковского регулирования (я так понимаю, что в основном присутствующие здесь представляют как раз банковский сектор), я с пониманием отношусь к тому, о чем вы говорите, с большим пониманием. Вместе с тем нужно иметь в виду, что Центральный банк является мегарегулятором и ответственным не только за существование банковского сектора, но и тех новых подопечных, которые были приданы два года назад. И здесь я знаю, что у моих коллег из блока надзора за нефинансовыми кредитными организациями есть очень большие опасения, что такого рода объединение, скажем так, всех кредиторов в одну большую статью с распределением их в этих колонках, таблицах по видам кредитов просто-напросто может убить этот финансовый сектор, его просто не будет существовать. При этом, как я знаю, их тоже беспокоят те высокие ставки, которые сейчас предлагаются этими финансовыми организациями, и они планируют ограничить общую сумму выплат, которая может быть выплачена заемщиком по такого рода кредитам (некая величина, которая имеет соотношение с размером кредита, займа в их случае).

Что касается темы распределения контрольных полномочий... Такой вопрос поставлен, немножко неожиданный для нас, потому что мы считали, что года полтора назад, когда был принят закон о потребительском кредите, условно, договорились до распределения функций в этой области. И мне кажется, что даже с Роспотребнадзором у нас не возникает здесь пересечения полномочий. По крайней мере мне неизвестны случаи, когда бы банк был наказан за одно и то же нарушение дважды. Поэтому передача таких полномочий, мне кажется, требует достаточно глубокой проработки и обсуждения Центральным банком с Правительством перспектив такого рода работы.

Что касается вопроса, связанного с внесением таких относительно незначительных изменений в закон о потребительском кредите (я их просмотрел)... В целом Центральный банк абсолютно не возражает против того, что планируется реализовать. Хотел бы обратить внимание только на пару моментов, которые были озвучены.

Что касается вопроса, связанного с упрощением процедуры оформления договора потребительского кредита, когда требуется заявление, что бы мне не хотелось, чтобы произошло в результате принятия поправок? Это заявление мы рассматриваем как важный этап и важный инструмент, направленный на защиту прав заемщика, когда он может либо согласиться, либо не согласиться с оказанием дополнительных услуг. Поэтому если даже его в том или ином виде вычеркивать, то важно, чтобы остался все-таки какой-то дополнительный документ, который в нашем понимании, как заявление сейчас, оформляется только в том случае, если дополнительные услуги предполагается оказывать этому клиенту, то есть если не предполагается оказывать, то и заявление само может не оформляться. Действительно, может быть оформлен просто договор, индивидуальные условия, которые предоставляются заемщику. Все это подписывается со стороны банка, потом подписывается со стороны заемщика, и вот этот договор оформляется. В случае когда предоставляются дополнительные услуги за плату, было бы правильно, чтобы заемщик имел возможность либо согласиться, либо отказаться от этого. Как этот документ будет называться –

это, мне кажется, еще вопрос, который может быть как-то редакционно урегулирован. Но я бы не относился к этому заявлению как к чему-то такому архаичному, абсолютно ненужному.

Предложение, связанное с конкретизацией форм и изменением индивидуальных условий, когда предоставляется новая таблица или выдержки из табличек, мне кажется, хорошее. Единственный вариант, о котором стоило бы подумать, – указывать или не указывать отдельно полную стоимость кредита при такого рода изменениях, если она меняется. По крайней мере как сформулирована эта задача сейчас – да, но о ПСК стоит подумать, с тем чтобы ее не потерять.

Предложение по страхованию просто замечательное. Мы считаем, что в очень правильной логике движутся все эти предложения. С точки зрения досрочного погашения – в целом тоже да, но только там мы видели некий законопроект... Имеет смысл отсылать к дате планируемого погашения кредита, который предоставляется потребителю, по всей видимости, когда речь идет о дате расчета.

По поводу пересчета ПСК при досрочном возврате – да, видимо, это избыточная обязанность, она на самом деле не так нужна клиенту, потому что реально ПСК важна только в момент, когда он заключает договор, когда он досрочно ее возвращает. Большой необходимости в этом нет.

Что касается предложения по дополнительным услугам (эта тема связана с обязательными услугами, необязательными услугами)... В моем понимании действующее регулирование в законе предполагает следующий порядок. Все условия, которые не влекут обязательных и дополнительных платежей со стороны клиента, могут быть записаны в общих условиях. Все условия, которые влекут обязательные расходы со стороны клиента, записываются в индивидуальных условиях. То есть на самом деле это означает, что все дополнительные услуги, которые могут быть оказаны клиенту, могут быть записаны не в индивидуальных условиях, а в общих условиях. И вот эта постановка вопроса о том, чтобы переписать их в индивидуальные условия, у меня, честно говоря, вызывает опасения, что-то здесь такое преследуется не до конца понятное, по крайней мере мне.

Была озвучена тема, связанная с расчетом ПСК на основе не трехмесячного, а шестимесячного периода. Честно говоря, мне кажется, что шестимесячный период – это очень большой лаг, и мы можем просто-напросто не уследить за движением процентных ставок. То есть по крайней мере, мне кажется, три месяца – период, имеющий в международной практике совершенно четкие альтернативы, учитывая, что мы, в общем-то, в значительной степени скопировали французский опыт, где тоже трехмесячный период, ограничение в виде одной трети дает возможность банкам адаптироваться. При этом раскрыть полную стоимость кредита за 45 дней до начала отчетного квартала также дает возможность, скажем так, подстроить свои продукты и линейки под новые условия.

И еще пара моментов, которые были озвучены. По поводу коэффициентов риска по кредитам, где используется повышенная стоимость кредита, в нашем понимании это никак не связано с законностью и незаконностью этих операций. Именно поэтому в инструкцию № 139 в свое время были внесены поправки, когда вообще в принципе не существовало какого-либо ограничения полной стоимости кредита. И эти коэффициенты риска связаны именно с тем риском, который банк принимает на себя, осуществляя эти операции. Поэтому планов, помимо того, что уже было сделано с точки зрения переноса нижней планки с 25 процентов до 35 процентов ПСК, других никаких нет.

Что касается операционного риска... Вы, видимо, говорили о том, что нужно перекалибровать эти коэффициенты риска под 10 процентов. Видимо, это Вы имели в виду, да? Вы, наверное, знаете, что у нас сейчас проходила и до сих пор проходит оценка со стороны Базельского комитета. И мне кажется, что мы уже выходили тоже на банковское сообщество с этим обсуждением. К сожалению, получается так, что международная практика идет по тому пути, и она уже, допустим, была реализована в Бразилии, в Индии, в Южно-Африканской Республике, где эта перекалибровка никак не учитывается при использовании максимальных коэффициентов. То есть Базельский комитет требует использования именно тех коэффициентов как минимум, которые зафиксированы в самих базельских стандартах. Поэтому изменить их мы, к сожалению,

не можем. Но при этом, учитывая сейчас, что идет большое количество, скажем так, изменений, связанных с реализацией стандартов Базель 2, 2,5 и 3, Центральный банк думает на тему того, что предложить в качестве какой-то компенсации банкам при такого рода ужесточении. Эти обсуждения сейчас идут, и эта проблема рассматривается в комплексе.

И по поводу последней темы, которая сегодня тоже очень активно звучала, – это вопрос, связанный с взаимодействием с Пенсионным фондом. И действительно, справедливо, что там Центральный банк приложил руку. Я вижу большое количество людей, которые приходили на совещание, которое я проводил. Благодаря Минкомсвязи, на мой взгляд, в значительной степени удалось этот пилотный проект реализовать, удалось найти некую заинтересованность. Я могу сказать, что Россия в этом плане действительно, может быть, передовая страна, потому что реально в международной практике, если вообще такие случаи существуют...

ИЗ ЗАЛА

Казахи...

А.Ю. ЖДАНОВ

Казахи. Они за нами пошли или?..

ИЗ ЗАЛА

Нет, они сделали это быстрее.

А.Ю. ЖДАНОВ

Они даже быстрее смогли...

ИЗ ЗАЛА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.) Начали позднее, но...

А.Ю. ЖДАНОВ

Хорошо.

Если брать западную практику, скажем так, то получение информации из государственных пенсионных фондов – это крайне нераспространенная мера. Я общался со своими коллегами, которые занимаются банковским регулированием, и это не распространено, по крайней мере в ведущих европейских странах, в США это не применяется.

Мы пошли вперед. И, мне кажется, действительно это было нужно и важно для банков, и мы действительно планируем эту тему развивать. Другое дело, что она зависит в значительной степени от готовности опять же государства, в данном случае Правительства, поддержать эту инфраструктуру и дальше ее развивать. Но мне кажется, что от старых программ до момента, пока пилотный проект не станет уже не пилотным, а будет каким-то реализованным проектом, тоже отказываться не стоит, потому что имеет смысл переходить от...

ИЗ ЗАЛА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.) Но только тогда они должны быть...

А.Ю. ЖДАНОВ

Ну, вы же знаете, что к старым программам, которые были реализованы, уже нельзя подключить новые банки, потому что это старое регулирование, которое существовало.

Поэтому, коллеги, такого рода комментарии... *(Оживление в зале.)* А?

ИЗ ЗАЛА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

А.Ю. ЖДАНОВ

Нет, нет, я могу это говорить совершенно спокойно, потому что в принципе не я занимаюсь подключением, это делает Пенсионный фонд. Это было решение Пенсионного фонда о том, что он подключает пять или шесть банков. Мне кажется...

С МЕСТА

Шесть.

А.Ю. ЖДАНОВ

Шесть банков, да? Шесть банков он подключил к этой системе. Это было их решение о том, что они это делают. Еще раз говорю, что в моем понимании все-таки не стоит отказываться от старой программы до момента, пока не заработает нормально новая, ну, потому что как-то это неправильно. Другое дело, что нужно активизировать действительно полную реализацию новой программы, в этом я с вами полностью согласен.

Это короткие комментарии... Еще раз говорю, что, на мой взгляд, такой наиболее, наверное, деликатный момент в моем выступлении, именно имея в виду мой статус заместителя директора Департамента банковского регулирования, касался именно темы, связанной с видом кредитора. Потому что, понимая настороженность банковской системы, банков, банковских ассоциаций, банкиров, нужно понимать, что есть и другая сторона медали – есть вот этот другой сектор, который тоже должен продолжить существовать. Спасибо за внимание.

С.Н. РЯБУХИН

Спасибо, Андрей Юрьевич. Присаживайтесь.

Ну и попросим высказаться Сергея Владимировича Барсукова, директора Департамента финансовой политики Минфина России.

Пожалуйста.

С.В. БАРСУКОВ

Уважаемый Сергей Николаевич, уважаемый коллеги! Я вообще буду очень краток. Мне понравился сегодняшней деловой и очень по делу разговор. Мы понимаем, что, в общем-то, макроэкономическая ситуация сама приводит к уменьшению закредитованности наших граждан. Плюс еще изменения в части дополнительного давления на капитал при выдаче потребительских кредитов тоже начали работать в полную силу. Получается, что ситуация сама собой привела к уменьшению разогрева этого сегмента.

С точки зрения наших мер... Вы знаете, что у нас есть программа субсидирования ипотечного кредитования, и, по сути дела, мы средствами федерального бюджета даже в ситуации с его крайним дефицитом нашли денежные средства, чтобы поддержать этот сегмент. Поэтому мы, естественно, заинтересованы в том, чтобы уровень кредитов не снижался. То есть кредиты стимулируют соответствующее потребление и в конце концов приводят к экономическому росту в классической экономической теории. Поэтому те предложения, которые были изложены в части выравнивания условий, в части дополнительных (я бы сказал, это точечные настройки, или тонкие настройки)... мы поддерживаем.

И очень хорошо, что мы с вами встретились в начале осенней сессии. То есть если потребуются внесение изменений в законодательство и не хватает нормативных актов Банка России, а сегодня у нас дискуссия была в части полной стоимости кредита, даже переходила в плоскость нормативных актов Банка России, если этого будет недостаточно (изменения нормативных актов Банка России), то, конечно, мы поддержим инициативы Совета Федерации либо депутатов Государственной Думы, направленные на дополнительное выравнивание конкурентных условий.

По полной стоимости кредита, на мой взгляд, хватит мер Центрального банка. Если этого будет недостаточно, то давайте дополнительно обсудим либо в формате работы комитета Совета Федерации, либо на площадке Государственной Думы рассмотрим эти инициативы. Вы знаете, правда, они есть, мы их выслушали, но у нас есть развилка. То есть если мы согласимся по поводу отдельной группы кредитов, связанных с зарплатными проектами, может быть, по аналогии сделать – что это дебетовые карты с овердрафтом. То есть тут может быть...

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон.) Но здесь и с кредитной картой проблемы.

С.В. БАРСУКОВ

Я понимаю, что кредитные карты отличаются от дебетовых карт.

С МЕСТА (та же)

(Говорит не в микрофон. Не слышно.) Очень сильно отличаются...

С.В. БАРСУКОВ

Да, это мы понимаем. Если мы сможем организовать учет, и отдельный учет, выданных таких кредитов от зарплатных проектов с овердрафтами, то совершенно справедливо, что это отдельный вид продукта, отдельный профиль риска, если люди получают заработную плату и имеют возможность использовать овердрафт, чем человек приходит в отделение банка и просто получает кредитную карту. Мы это понимаем, но это изменение... Профиль риска разный, наверное, справедливо по-разному учитывать их и по-разному регулировать полную стоимость кредитов. Но, насколько я понимаю, это в пределах полномочий Банка России. Вполне возможно, что этого...

С МЕСТА

Можно я поясню? Принципиально важно, что речь никогда не шла о дебетовых картах с овердрафтом. Это выделение отдельного вида кредита, который предоставляется тем лицам, у которых есть зарплатные счета. То есть всегда ставилась проблема именно так.

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

С.В. БАРСУКОВ

Скорее всего. То есть я в данном случае размышлял. Как раз я тоже понимаю, что найти зарплатный счет без привязки карты... Все-таки основная озабоченность лежит в зарплатных проектах крупных банков, скорее всего. И тут, наверное, по-другому происходит работа служб по андеррайтингу. Поэтому, может быть, здесь поискать решение. Это такая импровизация. Если этого недостаточно... Но это тонкая настройка.

С точки зрения эксперимента с ПФР... Я понимаю, что хорошо быть одним из шести банков. И тут я не знаю, как лучше, мне тяжело это комментировать, но то, что условия доступа к этой важной информации должны быть одинаковы, действительно я это поддерживаю. То есть достаточно длительный срок основное банковское сообщество (кроме этих шести банков) участвовало в эксперименте. Сколько еще это продлится? И Эльвира Сахипзадовна несколько раз собирала рабочие группы, то есть, в общем-то, уровень участия Банка России высочайший. Со стороны Министерства финансов мы реально поддерживаем и понимаем, что это важно.

О.Ч. ХЬЮЗ

(Начал говорить не в микрофон. Плохо слышно.) Я просто хотел бы добавить, что это реально – в том числе видеть... в "Тур де Франс" на велосипеде. Сейчас как бы в поте лица поднимаетесь наверх, и рядом с вами едет на мотоцикле и машет вам рукой... Ну, ничего...

С.В. БАРСУКОВ

Я знаю, "Тинькофф" любит "Тур де Франс", то есть ему действительно тяжело, я понимаю. *(Оживление в зале.)*

Об этом мы говорили. Действительно, надо еще раз по-честному сказать: ребята, давайте ускоряться, мы терпели два с половиной года, это действительно не совсем честные конкурентные преимущества. Это правда.

У нас начинается 20 октября... Говорили о предоставлении отчета о полной стоимости кредита и начале регулирования. Кроме этого, у нас начинается действовать дифференцированное отчисление в систему АСВ (страхование). Мы это тоже понимаем: важные сроки и важные регуляторные изменения наступают.

Возвращаясь к парламентским слушаниям и надзору... Правильный механизм. Давайте мы получим эти замечания или предложения, где-то в течение полутора месяцев мы поговорим и найдем решение совместно с Банком России; если мы примем решение, что нормативных актов Банка России не хватает, то примем решение по инициированию законодательных поправок. Как я понимаю, с точки зрения комитета Совета Федерации, да я уверен, что и Госдумы, вы внимательно слушаете предложения и сможете сформулировать соответствующие законодательные инициативы. Но совершенно очевидно, что дополнительное ужесточение регулирования и дополнительное снижение или дополнительное давление на наш банковский сектор в части повышения надзора или регуляторных требований при выдаче потребительских кредитов... Конечно, в наших макроэкономических условиях мы должны вести контрциклическую политику. Поэтому тут мы должны более внимательно смотреть на те действия, которые могут снизить издержки банковского сектора и соответственно уменьшать профиль риска. Спасибо большое.

С.Н. РЯБУХИН

Спасибо большое, Сергей Владимирович.

Коллеги, у нас еще предварительно записались четыре выступающих. Если есть настоятельное желание выступить, то я готов предоставить слово. Или все-таки будем подводить итоги?

Я сейчас просто хочу зачитать... Чесаков Георгий Рудольфович изъявил желание.

Николаева Наталья Юрьевна, я так понимаю, Вы не снимаете, Вы тоже скажете, да?

Н.Ю. НИКОЛАЕВА

Я очень кратко.

С.Н. РЯБУХИН

Зубарева Нина Вячеславовна и Мозжухина Елена Анатольевна.

Если из тех, кого я перечислил, кто-то настаивает, я прошу тогда буквально по две-три минуты, и кто еще желает...

Пожалуйста, Наталья Юрьевна.

А потом Вы выскажетесь.

Н.Ю. НИКОЛАЕВА

Очень-очень кратко, возвращаясь к вопросу о том, что кредитные карты являются очень, скажем так, быстрым инструментом кредитования, которым пользуются люди, и пользуются им достаточно часто, это стало у нас инструментом, без которого многие не могут обойтись. Одновременно при этом мы смотрим на то, что по ПСК они не являются у нас отдельным продуктом и, по сути дела, у нас нет отдельной категории по определению ПСК по этому продукту. В стоимость ПСК здесь включается, по сути дела, ежегодная плата за пользование этим удобным инструментом. Это не является стоимостью заемных средств, а является стоимостью использования этого платежного инструмента, потому что таким образом у нас построено регулирование. Хотелось бы, чтобы все-таки Центральный банк рассмотрел возможность выведения стоимости годового обслуживания кредитной карты из расчета полной стоимости кредита по кредитным картам, для того чтобы все-таки были равные условия предоставления кредитных средств по такому инструменту и учету его именно как платежного, скорее, инструмента с возможностью кредитования. Это один из моментов, который я хотела бы отметить.

Также по поводу... здесь уже говорилось о снижении издержек по работе с приставами. Это очень серьезный на самом деле вопрос, потому что на данный момент мы сталкиваемся с тем, что мы работаем во многих регионах, и каждый регион, к сожалению, предъявляет свои требования по электронному документообороту. Как только вы отказываетесь от электронного документооборота и говорите о том, что вы с ними готовы сотрудничать на основе того, что они вам будут предоставлять информацию в бумажном виде, вас просто-напросто заваливают

бумажными сообщениями и, по сути дела, вынуждают к тому, чтобы подписать с ними договора на электронный документооборот, который не соответствует федеральным требованиям.

Поэтому настоятельно просим, чтобы со службой приставов все-таки была проведена какая-то дополнительная работа, для того чтобы они перешли на единый формат обмена информацией и упорядочили порядок своей работы. Мы не отказываемся от этого, но, поймите, банки и так несут достаточно большие расходы технологические в связи со всем изменением регулирования. И банк не может отвлекать свои ресурсы на приспособливание к каждому из региональных требований судебных приставов. То есть это очень существенный момент.

И последний момент, который я хотела бы отметить, – то, что все-таки мы живем сейчас немножко в другом мире, и очень бы хотелось все-таки изменить условия подписания кредитных договоров, то есть перейти на так называемый электронный документооборот в том числе и с клиентами. Если мы клиента уже идентифицировали, если клиент у нас уже есть в базе, почему клиент не может дать свое согласие на индивидуальные условия, в том числе и через электронные средства связи, или, если он с ними не согласен, от них отказаться? То есть здесь нужно, мне кажется, дать больше возможности подписания кредитных договоров для того, чтобы клиенты... Даже многие и не хотят приходить. И это опять же предоставило бы удаленный доступ тем людям, которые не имеют возможности приехать в том числе и в город, например.

С.Н. РЯБУХИН

Спасибо, Наталья Юрьевна.

Из тех, кого я еще назвал, кто настаивает? Чесаков Георгий Рудольфович, да? Пожалуйста. Георгий Рудольфович, президент ОАО "ОТП Банк". Пожалуйста.

Г.Р. ЧЕСАКОВ

Добрый день, коллеги! Тема, которая нам досталась, потенциально, может быть, достаточно острая, потому что касается взаимодействия отрасли с уважаемым регулятором – Роспотребнадзором. Я хотел бы сразу оговориться, что мы разделяем цели, с уважением относимся и, я думаю, конструктивно работаем. Но тем не менее, как при любом виде регулирования, просто возник ряд ситуаций, которыми хотелось бы поделиться и, может быть, открыть дискуссию, и, возможно, бывают какие-то перегибы на местах.

Есть, на мой взгляд, две фундаментальные проблемы. Дело в том, что достаточно много отделений по всей стране, и мы в каждом регионе сталкиваемся с какими-то достаточно индивидуальными трактовками законодательства, которые зачастую противоречат между разными подразделениями, разные суды в разных регионах по одним и тем же вопросам принимают разные, противоречащие друг другу решения. И в этой ситуации мы, как банк, у которого все централизованно (есть централизованная функция работы с продуктами, с регуляторами, с юридическими материалами), вынуждены отвечать на десятки претензий из разных регионов, которые, как я уже сказал, зачастую бывают противоречивы. Здесь хотелось бы придумать какой-то механизм выработки все-таки единого подхода, иначе это приводит к существенному удорожанию, к большим накладным расходам при работе.

Вторая проблема здесь связана с тем, что сама парадигма управления правами потребителя применительно к кредитованию не совсем, мне кажется, работает, потому что не учитывает банковскую специфику. Самая главная специфика кредитования – это что существуют кредитный риск. Его нет, если человек покупает банку "Кока-Колы". Но если человек получает кредит, то все заемщики не равны, у каждого из них свой профиль риска. И банки вынуждены дифференцировать ценообразование. Но чудес не бывает. Если нам плохие заемщики платят столько же, сколько хорошие, мы вынуждены повышать тарифы для всех. Страдают хорошие заемщики в первую очередь.

Я очень быстро, в телеграфном стиле пройду по шести ситуациям, которые мы видели, где у нас есть разночтения, в частности с регулятором, в разных регионах.

Первое – это автоматическое погашение кредита. В Свердловской области нам предъявляют претензию, что мы вписываем в договор с клиентом возможность списания со счета

клиента. В банках это работает таким образом, что клиент размещает свои средства на счете и потом они списываются в погашение кредита в дату платежа.

Вот представьте, что при погашении счета мобильного телефона регулятор требовал бы каждый раз ходить в "МТС", в "Билайн" и в "Мегафон" и там писать отдельное заявление на списание тех денег, которые поступили через QIWI, в счет погашения задолженности. Фактически то, что от нас требуют. Мне кажется, это неправильно, несправедливо, и эту тему нужно проработать.

Вторая тема, которая уже упоминалась, – это дополнительные комиссии. Опять же, это стандартная практика, когда тарифы дифференцируют в стоимость услуги для разных клиентов в зависимости от типа их поведения. Например, если вы сидите в центре в партере или на балконе в Большом театре, фактически вы получаете одну и ту же услугу – смотрите оперу или балет, но цена совершенно разная. Точно так же в авиации: если вы покупаете билет за 40 дней или покупаете билет перед вылетом – цена абсолютно разная. Это разные сегментские клиенты, у них разный профиль поведения: кто-то хочет сидеть в партере, кто-то хочет вылетать за день – он платит дороже. То же самое в банках: если клиенты хотят снимать наличные, предоставленные по кредитной карте, в банкомате, у них другой профиль риска, другие потребности, они должны платить больше, иначе мы вынуждены будем повышать стоимость для всех клиентов. Опять же возникают противоречия с регулятором, которые мы никак не можем согласовать.

Следующая тема, по которой у нас возникли противоречия с регулятором, – это страхование. Опять же возникает такое толкование, что банки не могут вообще предоставлять программы страхования клиентам, и предоставлять их за плату. Здесь возникает... Но если клиенты хотят... Многие благодарны... У нас есть на самом деле десятки, сотни, если не тысячи, благодарных семей, которые в момент смерти кормильца, который был должен, получили страховку, расплатились с долгами, вступили в права наследства без каких-то проблем. То есть это на самом деле продукт, который важен, имеет социальную функцию, он абсолютно доброволен. Почему банки не могут его предоставлять? Если следовать данной логике, то фактически работодатель не может предоставлять страхование по добровольному медицинскому страхованию своим сотрудникам (тоже коллективный договор), и мы фактически убиваем страховую отрасль, а это достаточно важный источник дохода, в том числе и для страховых компаний, которые, мы знаем, сейчас терпят убытки. Мы лишаем клиентов важного инструмента защиты, мы повышаем кредитные риски... И логика для нас неясна.

У нас есть дополнительные материалы, которые мы можем предоставить, где есть все ссылки на законодательство, на статьи. Мы их через Андрея Викторовича рассылали.

Следующий важный элемент регулирования в этой сфере – внеплановые массовые проверки. Для нас эта тема достаточно важная, потому что как это работает? Есть клиент, он недоволен, допустим, комиссией, которую мы с него подчас действительно несправедливо берем. Мы с клиентом обычно разбираемся, решаем, возвращаем. По факту такой жалобы региональное подразделение открывает дело и проводит фактически комплексную проверку, предоставляет предписание, которое состоит из десятка разных пунктов, из которых только один имеет отношение к теме высказанной заемщиком претензии, остальные вообще не имеют отношения.

Теперь представьте примерную ситуацию: вы едете, повернули не там, нарушили скоростной режим на дороге (я думаю, это бывает практически со всеми), после этого у вас сразу же диспансеризация, ТО полное вашего автомобиля, и так каждый раз. Перестанете ездить, да? Просто эти транзакционные затраты слишком велики.

Мы не против проверок, мы просто призываем к плановой работе. Есть план комплексных проверок, пожалуйста, мы открыты. На самом деле мы очень любим проверки, потому что это позволяет действительно найти какие-то недоработки и так далее, но мы любим их в плановом режиме, а не по каждой случайной жалобе, а у нас, не секрет, десятки тысяч жалоб, что нормально для банка с миллионами новых клиентов в год. Мы не можем каждый раз выделять ресурсы на комплексную проверку. Ну, то есть мы можем и выделяем, но это парализует работу организации.

Зачастую сроки исправления достаточно жесткие. И поскольку это внеплановая проверка, потом еще жесткие сроки исправления, которые не учитывают специфику работы ИТ-систем банка,

планового подхода к инвестициям и так далее, это создает действительно очень большие внутренние сложности, что повышает риск сбоев в системах, что для банка достаточно тяжелая история, естественно.

И последнее – налогообложение. Тут уже было сказано... Мы всецело поддерживаем то, что... Проблема следующая (это уже не касается Роспотребнадзора). Клиент попадает в просрочку, банк хотел бы ему списать безнадежную задолженность (это предусмотрено законодательством) либо простить в ходе переговоров. Тут было упомянуто: сбор задолженности – это не вышибание долгов, а переговоры с клиентом. Один из инструментов: "Мы тебе простим, а ты нам что-то заплати". Это нормально. Но человек в тяжелой жизненной ситуации. Тут возникает налоговый риск, и дальше мотивация что-либо платить банку падает. То есть это огромное количество бумажной работы, дополнительные расходы для клиента. Зачем ему это нужно? Он просто ничего не будет платить. Экономически для государства это абсолютно невыгодно, потому что оно все равно этих налогов не получает, потому что это налоги не с реальных доходов и даже не с какой-то реальной материальной выгоды, которая была получена. Например, отправили в дорогую турпоездку, там были заплачены все-таки физические деньги, а здесь материальная выгода абсолютно не обоснована. И мне бы хотелось, чтобы были изменения в законодательство, согласно которым в случае подобных ситуаций налогового бремени у клиента не возникало бы, что позволило бы банкам более активно списывать просроченные кредиты и в принципе повышать эффективность системы.

Все материалы более детально у нас есть, мы можем предоставить и работать по этим темам. Спасибо большое за внимание.

С.Н. РЯБУХИН

Спасибо большое, Георгий Рудольфович. Очень существенные замечания, которые выходят за эти пять групп предложений, которые мы раздали. Мы будем учитывать их.

Зубарева Нина Вячеславовна, если Вы настаиваете – пожалуйста. "Кредит Европа Банк", вице-президент.

Н.В. ЗУБАРЕВА

Да, я два слова скажу.

С.Н. РЯБУХИН

Пожалуйста.

Н.В. ЗУБАРЕВА

Целиком и полностью солидаризуюсь с предыдущим докладчиком. Кроме того, я хочу сказать, что такой вот message законодателям правильно формулировать свои мысли, потому что ряд позиций, которые изложены в предложениях по изменению законодательства, мягко говоря, основаны на некорректном словоупотреблении, я не знаю, или правопонимании тех людей, которые пишут закон. Потому что, например, "обязательное страхование" – просто неаккуратно употребили слово. Это мое глубокое убеждение. Оно состоит в том, что, собственно говоря, конечно, страхование становится обязательным. Не в том смысле, что по федеральному закону, когда страхуются пожарные и так далее, и тому подобное... Центральный банк, кстати, не мог дать другое разъяснение, поскольку это дословная лингвистика такого закона, а в том контексте, что если в договоре клиент имеет такую обязанность, то обязанность нужно исполнять. Тут неаккуратное словоупотребление. Конечно, это нужно корректировать. Или, например, мнение регулятора, если я правильно услышала, Центрального банка, состоит в том, что мы полностью урегулировали ситуацию с уступкой права требования, секьюритизацией, welcome, а на самом деле это не так по той простой причине, что, например, мнение Роспотребнадзора состоит в том, что клиент в обязательном порядке должен быть уполномочен на одностороннее изменение такого условия договора (стесняюсь это сказать). Это вообще нонсенс, потому что если банк не готов предоставлять кредиты без права уступать требование (ну, мало ли, потому что он, например, хочет их секьюритизировать, это абсолютно нормальное желание банка), он говорит: "Ты не хочешь, чтобы у тебя мог возникнуть другой кредитор, я не готов дать кредит". Но мнение другого регулятора состоит в том, что "нет, в обязательном порядке клиент должен..." А это тоже

неаккуратность текста закона, потому что там написано очень неаккуратно: "возможность уступки права требования", из чего некоторые регуляторы (не Центральный банк, наверное, все-таки) делают вывод, что это означает, что клиент как хочет, так в любую секунду и диктует банку.

Это совершенно не соответствует Гражданскому кодексу, здравому смыслу и, главное, смыслу закона, конечно же, потому что даже регуляторы (я только что озвучила) всё урегулировали, там всё написали, но написали как-то не очень аккуратно. Соответственно, иерархия нормативных актов... то есть Гражданский кодекс как-то должен учитываться, когда пишутся законы. И вот такие вещи, как уступка права требования... Договорились в договоре – значит, это обязанность, это условие нельзя изменить односторонним волеизъявлением. Договорились о страховании – значит, это обязанность, это не обязательное страхование, а обязанность клиента. Это разные вещи.

Ну и, соответственно, я не могу не согласиться с тезисом о том, что надзор тут как-то нужно, в общем-то, уточнить, потому что тоже, я так поняла, мегарегулятор сказал, что никто в жизни два раза не был наказан. Очень может быть, но очень некомфортно, когда только что изложенные позиции... Конечно же, имеют все банки. И, соответственно, первое – это недописанность закона и второе – недоговоренность, кто, собственно говоря, должен весьма широко толковать этот закон. То есть вроде как-то полусказали, что теперь это полномочия Центрального банка, но регулирует там со страшной силой положение вещей Роспотребнадзор.

Мой призыв – писать аккуратно, по-русски, чтобы это можно было понимать как-то одинаково. Спасибо.

С.Н. РЯБУХИН

И точно, чтобы не было двусмысленности в формулировках.

Спасибо, Нина Вячеславовна.

Я так понял, что Елена Анатольевна отказывается в пользу господина Мехтиева, так?

Е.А. МОЗЖУХИНА

Пока он движется к кафедре, я успею сказать пару слов. *(Смех в зале.)* У нас очень эффективно все организовано. Я хотела добавить в поддержку идеи о четком определении все-таки, кто является регулятором для банков.

Давно мы боремся с Роспотребнадзором, не секрет. Последняя тенденция, которую мы отмечаем у себя в "Восточном экспресс банке": нас стали привлекать к ответственности за обман и обсчет потребителя, только обвеса не хватает. То есть отдельная статья в Кодексе об административных правонарушениях, и такое ощущение, что коллеги находят составы, дабы еще больше налагать штрафы на банк. Это с точки зрения права недопустимо, с точки зрения правоприменительной практики недопустимо, и никакой положительной динамики, в общем, это ни для кого не добавляет. Спасибо.

С.Н. РЯБУХИН

Спасибо.

Пожалуйста.

Э.О. МЕХТИЕВ

Я буду очень краток. Я хотел бы рассказать историю переписки с Центральным банком по одной теме, которая называется "Полная стоимость кредита. Ограничение ПСК".

28 апреля мы направили в Банк России письмо о том, что мы удивлены и предлагаем немножко другое изменение, которое в соответствии с законодательством может сделать сам Банк России. О чем мы говорили? О доминировании на финансовых рынках. Постановление № 409 определяет, что доминированием является даже не 25 процентов, а все, что больше 10 процентов. На следующий день после нас Федеральная антимонопольная служба почти слово в слово такое же письмо направила по тому же самому адресу – в Банк России. Мы получили ответ (он размещен на сайте АРБ) 22 мая. В последнем абзаце написано: "Предусмотренное законопроектом

ограничение доли одного кредитора 25 процентами, по мнению Банка России, является разумным компромиссом". Ну, я не знаю, почему компромисс нужен. Компромисс кого с кем? И почему, даже сказав "25", мы забываем про то, что Банк России когда-то (в 2009 году) согласился и с 10 процентами? Ну, ладно, законопроект не состоялся.

Что мы делаем дальше, в ответ на Ваш тезис о том, что нет разницы? 17 июля Ассоциация российских банков вместе с исследовательской группой Frank Research Group опубликовала независимый расчет полной стоимости кредита. 20 с лишним банков согласились. И, спасибо, "Хоум Кредит энд Финанс Банк", спасибо, Тинькофф Банк, спасибо, "Восточный экспресс банк" (я, может быть, кого-то забыл, кто здесь есть еще), потом, после дискуссий, "Альфа-Банк" присоединился. Дали данные. Так вот, благодаря тому, что не все крупнейшие банки есть, я могу озвучить: по всем категориям (мы делаем расчет ежемесячно) разница от 4 до 10 процентов. Отсутствие двух крупнейших игроков сразу показало реальную, скажем так, среднерыночную стоимость, которая есть, если ограничивать тем, как оно есть, уже в постановлении № 409.

Поэтому мой простой вопрос состоит в том, что... Я абсолютно согласен с господином Барсуковым: изменение расчета ПСК (пусть меня юристы поправят) не требует изменения закона, а требует лишь всего-навсего выполнения взятых Центральным банком на себя обязательств в том самом постановлении № 409. Если я правильно помню, это постановление было согласовано с Банком России. Поправьте меня, юристы. Если нет, давайте будем открывать новую дискуссию. На этом у меня все. Спасибо.

С.Н. РЯБУХИН

Спасибо.

Э.О. МЕХТИЕВ

Данные могу предоставить.

С.Н. РЯБУХИН

Да, обязательно это надо сделать. Спасибо большое.

Я так понял, что есть желание прокомментировать ряд предложений и замечаний, которые здесь были высказаны, у Олега Владимировича Прусакова, начальника управления. Пожалуйста.

А.Ю. ЖДАНОВ

Если позволите, пока Олег Владимирович идет к кафедре, прокомментировать... *(Смех в зале.)*

С.Н. РЯБУХИН

Пожалуйста, Александр Юрьевич. Оптимизация времени.

А.Ю. ЖДАНОВ

Да, оптимизировать время.

У меня есть глубокая убежденность, что это антимонопольное регулирование в виде 25 процентов можно ввести только через поправку в федеральный закон. То есть это нельзя сделать через нормативные акты Банка России.

Не очень понял, что за постановление Правительства № 409.

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

А.Ю. ЖДАНОВ

Еще раз говорю, что я рассказывал о том, что это все-таки немножко разные истории – порядок расчета полной стоимости кредита и порядок защиты конкуренции на рынке.

С.Н. РЯБУХИН

Олег Владимирович, пожалуйста.

О.В. ПРУСАКОВ

Уважаемый Сергей Николаевич, уважаемые коллеги! Я займу еще немного вашего времени, тем более что в последних выступлениях неоднократно упоминался Роспотребнадзор. Поэтому я немного скорректирую свое выступление, в котором я хотел бы предварительно высказаться по поводу услышанного и по поводу свода предложений, которые были в раздаточном материале.

Тема потребительского кредитования для нас была и остается приоритетной все последние годы, это не секрет. И многие здесь присутствующие прекрасно знают нашу позицию по всему спектру спорных вопросов. Мы неоднократно встречались и обсуждали их в самых разных аудиториях: на площадке Минфина, на площадке Банка России, на площадке банковских ассоциаций, с отдельными кредитными организациями. И главным, скажем так, индикатором правильности либо неправильности позиции Роспотребнадзора, хочется это или нет, следует считать, наверное, правоприменительную практику, в том числе выработанную и сформированную органами судебной власти. Она в большинстве своем говорит о том, что те вопросы, которые мы поднимали и продолжаем поднимать и в отношении которых изначально, скажем так, было поголовное непринятие нашей позиции, постепенно снимались с повестки дня, и в том числе за счет позиций органов судебной власти, ставить под сомнение которые, наверное, будет не совсем правильно и корректно. Поэтому мы действуем в той же логике. Мы действуем в логике того, что стараемся формировать единообразную правоприменительную практику. И если есть где-то на местах определенные... не хочу употреблять слово "перегибы", но неверные какие-то трактования тех или иных законоположений, тех или иных подходов, связанных с организацией государственного контроля и надзора применительно к нашей компетенции, ну, наверное, это есть, как и в любом большом сообществе, потому что сколько людей – столько и мнений, тем не менее мы стараемся все-таки, чтобы здесь никаких разночтений не было, и работу в этом направлении продолжали и будем продолжать.

Что касается закона № 353, наша позиция по его концепции, по его существу, по отдельным положениям тоже достаточно известна, я не буду на ней подробно останавливаться, она выражена в том числе в двух последних государственных докладах о защите прав потребителей, которые мы ежегодно с некоторых пор вносим в Правительство Российской Федерации, имея в виду, напомню, если кто не знает, что на нас еще возложена функция по выработке реализации государственной политики в сфере защиты прав потребителей. Также у нас есть функция (компетенция), связанная с нормативно-правовым регулированием в этой сфере. То есть мы имеем право разрабатывать и быть инициаторами соответствующих инициатив, в том числе которые через Правительство потом вносятся в Государственную Думу, если мы говорим о законотворческой деятельности. А также есть функция, причем эта функция закреплена законом, связанная с разъяснением положений федеральных законов и иных нормативных правовых актов, регулирующих отношения в области защиты прав потребителей, что опять же, нравится это кому-то или нет, относится к закону № 353.

В отношении отдельных его положений те наши опасения, которые мы высказывали и которые опять же официально изложены в этих государственных докладах, до сих пор остаются, по нашему мнению, актуальными. И сегодня в целом ряде выступлений, собственно говоря, многие из них были подтверждены, в том числе в выступлениях представителей банковского сообщества или тех, кто имеет непосредственное отношение уже к той стороне баррикад, скажем, по отношению к потребителям. Это и вопрос, который касается сложного процесса заключения договора и необходимости его упрощения. Я здесь, наверное, соглашусь с Андреем Викторовичем по поводу того, надо или нет сохранить институт этого заявления. Хотя Александр Юрьевич тоже высказывал опасения на этот счет, и, наверное, тоже для этого есть основания. Но опять же практика показывает, что чем сложнее процедура взаимоотношений с потребителями, тем больше там рисков для самих потребителей кроется, имея в виду сложность финансовых продуктов, низкий уровень финансовой грамотности, с чем мы тоже стараемся бороться и чем занимаемся.

Тем не менее это все есть. И в большинстве своем, безусловно, чем сложнее схема, тем больше вероятности, возможности для недобросовестных действий со стороны кредиторов, а

никак не заемщиков. Поэтому мы готовы это рассматривать и при необходимости в том числе выскажем нашу позицию по этому вопросу.

Что касается разделения компетенции и полномочий (опять же к этому возвращаемся) – не новая тема, хотя нам казалось, что она достаточно ясна и понятна, и Александр Юрьевич это подтвердил. Она выражена в тех же самых государственных докладах и сводится к тому, что у нас нет и не может быть одинаковых функций и полномочий с Банком России, имея в виду, что Банк России имеет совершенно свой определенный уникальный статус: он не относится к федеральным органам исполнительной власти, он осуществляет надзорные функции абсолютно за рамками тех нормативных правовых актов, которые сегодня регулируют деятельность органов государственного контроля и надзора (я имею в виду закон № 294). Поэтому по всем формальным юридическим основаниям у нас не может быть в принципе дублирования функций и дублирования принимаемых мер применительно к функциям и полномочиям, которые возложены на Роспотребнадзор и Банк России. Поэтому мы выступаем против разного рода инициатив, которые могут подразумевать внесение каких-либо изъятий вообще в само тело законодательства о защите прав потребителей с точки зрения закрепления в нем каких-либо изъятий, тем более это не соответствует нормам международного права, не соответствует сегодня уже... В том числе на выходе мы ждем новую редакцию руководящих принципов Организации Объединенных Наций по защите прав потребителей, которая должна быть принята буквально в ближайшее время на сессии этой организации, где целый блок вопросов посвящен финансовой тематике, где определена миссия правительств государств по обеспечению защиты прав потребителей. Поэтому любые телодвижения здесь, которые идут вразрез с этими концептуальными положениями, просто приведут к тому, что мы будем, мягко говоря, не совсем красиво смотреться, в том числе в этом ракурсе. На наш взгляд, эти вопросы урегулированы, они есть. У нас нет пересечений по правоприменению норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, мы трактуем, каждый работает в рамках своего правового поля, и у нас тут абсолютно все четко и ясно.

Что касается темы, которая сегодня опять же неоднократно звучала, так называемых дополнительных услуг – обязательных, необязательных – и темы страхования, наша позиция в этой части известна, особенно в отношении страхования, мы неоднократно это рассматривали. Я хорошо помню один из первых "круглых столов", который мы с Андреем Викторовичем проводили на площадке Ассоциации российских банков, когда мы говорили о том, что, если страхование будет рассматриваться еще в том правовом поле, до закона, исключительно в качестве одного из возможных способов обеспечения исполнения обязательств, – нет проблем. Но это нужно четко и однозначно сформулировать, чтобы не было здесь двойного толкования, недопонимания как со стороны банка, так и со стороны потребителей, тогда тема страхования уйдет вообще на второй план и не будет рассматриваться как навязанная дополнительная услуга.

Я абсолютно согласен с коллегой из "Кредит Европа Банк" по поводу некорректных формулировок, на которые мы неоднократно указывали, которые сегодня присутствуют в законе № 353, по поводу правовых конструкций, согласно которым потребителю должна быть предоставлена информация о тех договорах, которые обязательно и необходимо заключить и при этом получить на них согласие. Поэтому взаимоисключающие вещи там есть на этот счет, и они только порождают проблематику, в том числе, кстати, которая приводит к тому, что сегодня на этой ниве позиционируются всевозможные коммерческие структуры, которые оказывают такую (не хочу называть...) псевдопомощь гражданам, которые пишут претензии, жалобы, обращения как в сами банки, так и в Роспотребнадзор, всевозможные фирмы под такими громкими названиями, как "Отсудим", "Раздолжник", и прочее, прочее. То есть мы сами порождаем в том числе вот эти вещи, которые, как мне кажется, идут только вразрез с общей ситуацией, они ее не упрощают, а, наоборот, усугубляют, и с этим надо что-то делать.

И здесь хотел бы просто обратить внимание коллег на абсолютно, на наш взгляд, четкие вещи, скажем так, системного характера, которые закреплены в Гражданском кодексе Российской Федерации как нашем основном законодательном акте в области гражданского права, который применительно к теме кредитного договора вообще не упоминает каких-либо обязанностей по поводу возможности обременения кредитных обязательств какими-то иными сопутствующими услугами. Нет этого в статье 819 Гражданского кодекса. Там совершенно четко, буквально в двух

словах выражена суть обязательственного правоотношения применительно к кредитному договору. И мы считаем, что в этой связи нормы закона № 353, мягко говоря, не совсем соответствуют этим основополагающим нормам Гражданского кодекса, которые, конечно, при желании тоже можно изменить и подтянуть под нормы этого закона. Но вопрос, надо ли это делать.

Поэтому тема дополнительных услуг для нас совершенно ясна и понятна. И мы, безусловно, в каждом случае стараемся рассматривать, насколько эти услуги являются обязательными (хотя, по нашему мнению, обязательных вообще никаких здесь быть не может), и насколько сегодня можно вести речь об этом пресловутом согласии, потому что мы сегодня сплошь и рядом имеем ситуации, когда, да, это согласие под всевозможными предложениями, правдами и неправдами, а также в виде введения в заблуждение гражданина получено формально. Проходит какое-то время, гражданин одумывается либо кто-то ему, так сказать, шепнул на ушко: "Что ты подписал? Ты вообще понимаешь, что ты сделал?" Он задним умом... И в этом винить его нельзя. Он просыпается и начинает бомбить всех и вся, в том числе и нашу службу, жалобами и обращениями, которые, в свою очередь, становятся основанием в том числе для возбуждения дела об административном правонарушении, и возникают вопросы: а было ли согласие, собственно говоря, насколько оно было добровольным, насколько оно было осознанным, не была ли эта сделка заключена под влиянием заблуждения?

То есть все эти вещи мы, конечно, знаем и исходим из того, что эта проблема сегодня остается. У нас не снижается в этой связи поток жалоб, обращений. Это является сегодня одним из основных оснований для проведения внеплановых проверок. И общий объем надзорных мероприятий у нас, наверное, по итогам этого года будет соответствовать примерно его динамике прошлых лет. То есть я бы не сказал о том, что закон № 353, несмотря на его в некоторых случаях заурегулированность отношений, сыграл свою ключевую, "золотую" роль. Мы ждем оценки его правоприменения в рамках независимых экспертных исследований, в рамках проекта Минфина по финансовой грамотности. Насколько я знаю, по-моему, в первом квартале или в первом полугодии следующего года должен состояться этот анализ. Наверное, будет интересно его посмотреть со стороны, хочется надеяться, все-таки независимых экспертов и взглянуть уже по прошествии полутора лет на практику применения, и, может быть, тогда еще раз по-новому, свежим взглядом взглянуть на необходимость внесения в него каких-то изменений, хотя, безусловно, эти изменения уже созревают. И из услышанного сегодня опять же с некоторыми вещами я вполне могу согласиться, в том числе по поводу вопроса о полной стоимости кредита, хотя это, наверное, не наша тема, и не хочу здесь глубоко влезать в чужую компетенцию. Для потребителя важно что? Чем прозрачнее цена, тем она меньше для него, чем она менее затратна, тем лучше. Собственно говоря, такая сентенция должна, безусловно, быть, и это должно быть, наверное, положено во главу угла, хотя, безусловно, никто экономические интересы кредиторов здесь тоже не должен ущемлять. Главное здесь – найти тот самый разумный баланс.

По поводу уступки права требования и коллекторской деятельности (эта тема сегодня тоже звучала) наша позиция тоже здесь достаточно известна, не буду подробно на ней останавливаться. Сейчас действительно есть очередная волна, связанная с попыткой реанимировать старый закон и предложить новый закон об этой деятельности со стороны Министерства экономического развития. У нас данный закон находится на проработке. К нему тоже есть вопросы, даже видно, что некоторые вещи написаны на скорую руку. Там просто масса лингвистических и юридических ошибок и несуразиц, которые, безусловно, надо исправлять, но, по нашему мнению, должен быть принципиально решен один из вопросов, который сегодня в том числе имеет место быть в виде формулировки одного из законопроектов со стороны субъекта права законодательной инициативы, – все-таки уступка права требования допускается некоему субъекту, который никакого отношения не имеет к деятельности кредитных организаций, либо нет.

По нашему мнению, это принципиальный вопрос, потому что в зависимости от того, как он будет решен, зависит вообще понимание существа гражданских правоотношений, его целеполагание, имея в виду специфику банковской деятельности и совершенно иные цели и задачи у тех новых кредиторов, которые будут новой стороной обязательства, по сути, по этому договору, потому что уступка права требования подразумевает переход обязательства от старого кредитора к новому в полном объеме. И насколько здесь можно говорить о том, что имеет место

быть такая идентификация нового кредитора в лице (в сегодняшнем понимании) коллекторских организаций, чей негативный шлейф их деятельности, наверное, еще долго будет за ними идти... И попытки каким-то образом придать им законопослушный статус, наверное, похвальны, но тем не менее здесь надо еще раз подумать, взвесить все "за" и "против", в том числе услышать общественное мнение по этому вопросу, имея в виду те резонансные, спорные дела, которые возникали и которые становятся достоянием гласности, собственно говоря, на основе которых и формируется мнение вообще о коллекторском сообществе уже не один год.

И, завершая, по поводу конкретных претензий со стороны коллеги из "ОТП Банка". Я не буду останавливаться на каждом вопросе. Мы готовы встречаться и обсуждать проблематику, хотя некоторые вещи, мне кажется, достаточно сложно оценивать безотносительно к конкретному делу.

Здесь можно по-разному оценивать правомерность суждений, потому что по некоторым случаям вообще тут, мне кажется, есть просто недопонимание либо ошибочное суждение по поводу наших функций, наших действий. И те сравнения, которые здесь проводились, тоже, по моему мнению, в некоторых случаях были достаточно некорректными. Хотя тема с комиссиями тоже известна. Надо уточнять, о каких комиссиях идет речь, в связи с чем эти комиссии, насколько они соотносятся с предметом и с телом кредитного договора, насколько вообще здесь речь идет о том, что мы понимали одинаково одно и то же.

Вопрос, связанный с отдельными договорами на выпуск кредитных карт. По поводу дебетовых карт с кредитованием и так далее тоже есть разные точки зрения и вопросы, здесь нужно все смотреть, предметно разбирать. Тем более что в некоторых случаях вопрос о том, есть ли в договоре с потребителем условия, ущемляющие права потребителей, либо нет, надо соотносить с теми нормами Гражданского кодекса, особенно по поводу договора банковского счета, которые в целом ряде случаев носят диспозитивный характер. И поэтому здесь все зависит от того, насколько в договоре есть эта возможность для чего-то либо ее там нет, а на самом деле банк использует или совершает какие-то спорные действия. Но мы готовы по всем этим вопросам смотреть, обсуждать.

Что касается плановых проверок, тема опять же не новая. Мы здесь отчасти являемся заложниками закона № 294 в сегодняшней его конструкции, имея в виду, что у нас есть территориальные органы, которые самостоятельно, самостоятельно осуществляют возложенные на них функции. И коль скоро поступает жалоба потребителя... Есть определенные опять же вещи, не нами написанные, которые вытекают в том числе из Кодекса об административных правонарушениях, где дело рассматривается по месту совершения правонарушения, и поэтому, да, бывают повторы по одним и тем же вопросам. Ну, извините, что есть, то есть, это опять же не нами придумано. И поверьте, мы действуем, и вынуждены действовать зачастую исключительно в русле тех правовых норм, которые ограничивают нашу деятельность со всех сторон и которые очень жестко контролируются, в том числе органами прокуратуры. И поэтому если на этот счет нет к нам претензий со стороны этих органов (а они, поверьте, регулярно нас проверяют по всем компонентам соблюдения закона № 294), значит, здесь нет никаких проблем с нашей стороны.

И приводили здесь пример с движением на автодорогах... Ведь если автомобилист нарушает Правила дорожного движения на каждом перекрестке, его останавливают гаишники несколько раз за каждое нарушение – это не означает, что имеют место быть многократные проверки. Это есть, это факт. И поэтому, если есть нарушения в разных регионах одни и те же, но они случаются с различными нюансами, значит, за каждое нарушение придется отвечать. Это тоже данность, которая не нами придумана.

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) Я про техосмотр говорила, а не про...

О.В. ПРУСАКОВ

Ну, там был просто пример немножко из другой области, я привел тот же самый пример применительно к дороге, только в том ракурсе, как, мне кажется, надо это рассматривать.

Что касается... Была упомянута статья 14.7 кодекса. Ну, давайте тоже будем корректны в своих суждениях и высказываниях. Да, эта статья сама по себе не совсем удачная с точки зрения

того, что в ней сошлось все вместе: обсчеты, обвесы, обман, а также введение потребителей в заблуждение. Да, это один состав, одна статья. Но, разумеется, никто не будет за обвесы привлекать к ответственности банк применительно к кредитному договору. Но тем не менее по этому составу может быть административная ответственность за обман, за введение в заблуждение. Хотя, на мой взгляд, опять же формулировка данной статьи применительно к обману не совсем корректна, имея в виду, что в рамках административного законодательства нигде расшифровки нет, что такое "обман".

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

О.В. ПРУСАКОВ

Ну, что есть, то есть.

Спасибо за внимание.

С.Н. РЯБУХИН

Вам спасибо, Олег Владимирович. *(Оживление в зале.)*

Вопрос, да? Ну, давайте. Очень короткий вопрос – короткий ответ.

В.В. МУРАНОВА

Я, помимо того что представляю Уральский банковский союз, являюсь заместителем председателя Всероссийского совета банковских объединений, и хотела бы получить у Вас ответ на вопрос по перегибам в регионах, как действовать банкам. Если клиент банка, заемщик, нарушает условия договора, не возвращает денежные средства, которые, кстати, взяли мы у вкладчика, который также вроде бы должен находиться под вашей опекой как потребитель банковской услуги по вложению денег в кредитную организацию, для нас он недобросовестный заемщик. На Ваш взгляд, вправе Вы защищать недобросовестного потребителя законом о защите прав потребителей? Ведь у нас сегодня везде в прессе идет излишняя героизация неплательщиков: коллекторы плохи, банки озверели и требуют возврата кредита... Вы подумайте...

О.В. ПРУСАКОВ

Я понял Ваш вопрос. Это во многих случаях действительно так, давайте согласимся.

В.В. МУРАНОВА

Ведь речь идет о чем? Сегодня не заплатив банку, не выполнив договор, завтра вправе не показать свои доходы (ну, все же сходит с рук) и не заплатить налоги, прийти в банк, получить кредит со справкой, якобы у него белая зарплата...

О.В. ПРУСАКОВ

Но это же не вопрос, Вы уже как бы рассуждаете сами.

В.В. МУРАНОВА

На столбах написано: "Получите... Дадим любую справку и подтвердим..." Может быть, вам стоит обратить внимание на организации, всяческие фонды, подменяющие вас, защиты прав ("обратитесь, любой кредит отсудим", "не платите, мы сделаем то-то")? Может быть, есть смысл, помимо банков, обратить внимание еще на тот сегмент, который противодействует и развращает население с точки зрения его законопослушания? Ведь здесь уже речь идет не только о том, что банку он не заплатил. Когда дозволено, есть в одном, оно будет и в другом.

О.В. ПРУСАКОВ

Я понял Ваш вопрос. Можно мне ответить? Значит, отвечаю на Ваш вопрос. Я с некоторых пор постоянно во всех подобных аудиториях упоминаю (может быть, слишком часто) статью 10 Гражданского кодекса Российской Федерации относительно того, что у нас изначально презюмируется добросовестность гражданских правоотношений и его участников. И мы это всегда и везде подчеркиваем, в том числе когда принимаем либо не принимаем решение о возбуждении дела об административном правонарушении. И поверьте, у нас в практике масса

случаев, что мы отказываем гражданам в возбуждении дел об административных правонарушениях, ссылаясь в том числе на статьи 1.5 и 1.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, когда речь идет о том, что неустранимые сомнения трактуются в пользу лица, привлекаемого к ответственности, и так далее.

Но для нас, когда мы работаем с обращениями граждан, они не могут быть заранее недобросовестными. Когда речь идет о невозврате кредита, в каждом случае, безусловно, надо разбираться. И вопрос о том, с чем это связано, если доходит дело до спора, до взыскания задолженности, в том числе в судебном порядке, безусловно, будет уже оцениваться в судебном порядке. И, соответственно, основание для того, каким образом реагировать на правомерность, неправомерность взыскания вменяемой должнику суммы долга, будет оцениваться с учетом различных обстоятельств.

И, наверное, не секрет, и Вы со мной не будете спорить, что у граждан разные причины возникают по жизни, с которыми они сталкиваются, когда действительно у них возникает серьезная ситуация.

С.Н. РЯБУХИН

Согласимся, Олег Владимирович. Согласимся. Спасибо.

О.В. ПРУСАКОВ

Это очевидные вещи. И ситуация с валютными заемщиками та же самая сейчас известна. Поэтому здесь Вы задали риторический вопрос.

С.Н. РЯБУХИН

Вы решили продолжить и развернуто ответить, так же, как и задан вопрос.

О.В. ПРУСАКОВ

Развернутый ответ получается, да.

С.Н. РЯБУХИН

В силу того, что состоялся очень интересный, живой разговор, мы не уложились в отведенное нам время.

Поэтому, Андрей Викторович, если Вы не будете настаивать, не предоставлю заключительное слово ни Минфину, ни Центральному банку. Я думаю, что все, кого я перечислил, и все мы, участники парламентских слушаний, заинтересованы в том, чтобы внимательно изучить стенограмму сегодняшних парламентских слушаний, которая ведется. Я поручу первому заместителю Руководителя Аппарата... Лев Андреевич принимает участие, слушает. Мы обязательно проанализируем.

Я так понял, что Минфин берет себе времени полтора месяца для того, чтобы дополнить вместе, Андрей Викторович, с Вами, с Центральным банком и с нашим Аппаратом... Мы подготовим более дополненные, уточненные, и по редакции в том числе (тут были справедливые замечания), по корректировке текста предложения и уже такой развернутый документ, согласованный со всеми участниками сегодняшних парламентских слушаний, будем формализовать в виде пакета поправок в законодательные акты. И мы в этом заинтересованы, так же, как и все участники, которые высказались здесь и не высказались. Я думаю, надо придерживаться этого времени и весь алгоритм нашей дальнейшей совместной работы выстраивать в этом временном интервале.

Если никто не настаивает на продолжении, я хочу всех поблагодарить за активное участие и пожелать всем удачи. Спасибо. До свидания.